№ 37—38. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Цѣна 60 к.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

24 сентября. ГОДЪ ИЗДАНІЯ II^ой 1917 г.

СОДЕРЖАНІЕ № 37—38.

МОСКВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

на еженедѣльный общественно-политическій и литературный журналъ, посвященный вопросамъ армянской жизни,

„АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

издаваемый въ Москвѣ Ив. Т. Амировымъ, при ближайшемъ участіи А. К. Дживелегова.

„Армянскій Вѣстникъ" былъ основанъ съ цѣлью укрѣпить знакомство русскаго общества съ Арменіей и армянами.

Въ настоящее время, послѣ года изданія, можно, повидимому, признать, что цѣль эта достигается. Непрерывный ростъ интереса къ журналу какъ въ армянскомъ, такъ и въ русскомъ обществѣ, участіе въ немъ лучшихъ литературныхъ силъ, русскихъ и армянскихъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что журналъ сумѣлъ отвѣтить очень серьезной потребнотси Черпая силы въ этой поддержкѣ со стороны общества, редакція будетъ и впредь проводить въ журналѣ взгляды, которые она проводила раньше и которые, какъ она надѣется, въ главномъ раздѣляются и русской и армянской интеллигенціей.

Въ теченіе 1916 г. въ журналѣ принимали участіе: Агабабовъ Р. А., А—До Алламовъ М., Аджемовъ Х. С., Азнаурянъ Ар., Авьянъ М. К., Алавердянъ М. Я., Акопянъ С., Анановъ І. Н., Аракелянъ А. Б., Араумановъ М., Арутюнянъ Е. А., Атабековъ А. И., Атрпетъ, Ахумянъ Т., Бабіянъ С., Барановскій Я., Бархударіанъ С. Священникъ Бекгулянъ Р., Брюсовъ В. Я., ген. Бурскій П. М., Бурышкинъ П. А., Варандянъ М., Ведребисели Д. К., Верховскій Юр., акад. Веселовскій Ал. Н., Веселовскій Ю. А., Враціанъ С., Вячеславъ Ивановъ, Городецкій С., Давыдкинъ Д., Девоянъ Т., кн. Долгоруковъ П. Д., Евангуловъ Г. Г., Егіазаровъ А. И., Енгибарянъ Р., Заровъ С. Заргаръ-Никогосовъ Ц. Кара-Мурза С. Г., проф. Кизеветтеръ А. А., Кирѣева М., Костанянцъ К., Косоянъ Г., проф Котляревскій С. А., Кротковъ С., ген. Кулебякинъ А., Кучукъ-Іоаннесовъ Х. И., Кушлю Ал., Ледницкій Макарянъ А., Макинціанъ П., Мжедловъ А. З., Меликъ-Арустамянъ М., А. Р., Лео, Лисиціанъ Србун, Меликъ-Степанянъ С., Микаэлянъ К., Мицинскій Тадеушъ, Немировичъ-Данченко Вас. И., Обнинскій В. П. (†), Овакимянъ В., Огановскій Н. П., чл. Гос. Думы Панаджановъ М., Папазянъ В., Петросянъ П., Пираловъ А., Пирвердіевъ С., Пирумовъ С., Поповъ А., Реулло Н., Рстакіанъ І., свящ. Сарикянъ А., Саянскій К., Сафрастьянъ А., Сибирскій Ф., Сирумянцъ Б., Сологубъ Ф., Сырейщикова Е., Сюникъ, Тазэ Маріамъ, Тамаринъ А., Теръ-Григорянъ О., Теръ-Захарянъ Е., Терлемезянъ П., Теръ-Ованесянъ С., проф. Тотоміанцъ В. Ѳ., кн. Тумановъ Г. М., кн. Тумановъ К. М., Туманянъ А., Халатовъ. Л. Г., Ханазатъ Р., Чалхушянъ Гр., Чубаръ Г., Цатуріанъ Ал. І., Шарти, Шахатунянъ А., Шермазановъ Г. Ш., чл. Гос. Думы Щепкинъ Н. Н., Яблоновскій С. В., Язвицкій В. І.

Подписная цѣна:		
На 12 мѣс.—20 р.	На 2 мѣс.—6 р.	
„ 6 „ —12 „	„ 1 „ —3 „	
„ 3 „ — 8 „	Цѣна отдѣльнаго номера—60 коп.	

За перемѣну адреса—40 коп. ЗА ГРАНИЦУ—ВДВОЕ

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

СТРОКА ПЕТИТА: впереди текста—50 коп., позади текста—30 коп. Ширина стр. 4 колонны. Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи и всѣми конторами по пріему объявленій въ Россіи.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„Армянскій Вѣстникъ"

Москва, Остоженка, 2-й Ильинскій пер., д. 3. — Телеф. 3-85-69.

Редакторъ-издатель Иванъ Томасовичъ АМИРОВЪ.

№ 37—38. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ 1917 г.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Вслѣдствіе непомѣрнаго повышенія цѣнъ на всѣ безъ исключенія предметы, необходимые для изданія журнала, редакція съ 1-го октября сего года устанавливаетъ слѣдующую подписную цѣну на „АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“:

На 12 мѣсяцевъ 20 руб.
На 6 мѣсяцевъ 12 руб.
На 3 мѣсяца 8 руб.
На 2 мѣсяца 6 руб.
На 1 мѣсяцъ 3 руб.
Отдѣльные номера 60 коп.

Контора журнала проситъ подписчиковъ, срокъ подписки которыхъ истекаетъ 1-го октября, поторопиться со взносомъ платы, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

Москва, 24-го сентября.

Случилось то, чего все-таки никто не ожидалъ, несмотря на то, что уже давно стали скопляться признаки, довольно краснорѣчивые.

Еще разъ отложенъ армянскій съѣздъ.

Словно какой-то рокъ тяготѣетъ надъ этимъ несчастнымъ съѣздомъ. Если бы былъ живъ Рафаэль Патканьянъ, онъ могъ бы прибавить великолѣпный куплетъ къ своему знаменитому стихотворенію „Тормазъ-ага“. Ибо рука одного или нѣсколькихъ „Тормазъ-ага“ ясно видна во всемъ дѣлѣ. Кому-то среди армянъ нужно, чтобы съѣздъ постоянно откладывался. Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ—мало ли можно отыскать при желаніи и при крючкотворномъ искусствѣ предлоговъ?—съѣздъ откладывается и откладывается. Невольно начинаетъ одолѣвать сомнѣніе: состоится ли онъ вообще когда-нибудь.

Нужно отдать справедливость дашнакцаканамъ: они сдѣлали все, чтобы не допустить того рѣшенія, къ которому пришло большинство группъ, представленныхъ въ предсъѣздовомъ совѣщаніи. Но ихъ голосъ не былъ услышанъ. Имъ осталось одно: протестовать и уступить. Они могутъ утѣшать себя сознаніемъ, что только они одни оказались на высотѣ пониманія національныхъ задачъ, что только они сознавали, какое огромное упущеніе, чтобы не сказать больше, допущено отсрочкою съѣзда.

Люди, за это рѣшеніе отвѣтственные, берутъ огромный грѣхъ передъ націей на свою совѣсть. Намъ много разъ приходилось излагать соображенія, дѣлающія съѣздъ настоятельнѣйшимъ образомъ необходимымъ, насущнымъ, какъ свобода. Нѣтъ нужды ихъ повторять. Но одно, частью совершенно новое, должно быть здѣсь упомянуто.

Русская политическая жизнь несется вихремъ. Смѣняются съ головокружительной быстротой факты и событія. На нихъ откликаются всѣ русскія общественныя группы, всѣ національности. Всѣ... за исключеніемъ армянъ. А армяне не откликаются потому, что у нихъ нѣтъ постояннаго національнаго органа. Нѣтъ же его потому, что онъ можетъ быть созданъ только общеармянскимъ съѣздомъ.

И выходитъ такъ, что армянскій народъ живетъ въ Россіи какъ безучастный зритель происходящаго, что его національная воля не вкладывается въ работу по творчеству новой жизни, что онъ самъ себя лишилъ какихъ-то большихъ правъ..

Достойно ли такое положеніе культурнаго народа?

Пусть подумаютъ объ этомъ тѣ, чьими стараніями еще разъ отложенъ съѣздъ.

этническихъ терминахъ „Agĥovankh" (албанцы) и „Аланы" и объ ихъ смѣшеніи. (Срв., напр., что говоритъ по этому вопросу кавказовѣдъ акад. Вс. Миллеръ въ своихъ „Осетинскихъ этюдахъ", ч. III, М. 1887, стр. 47, 111). Въ 4-хъ, нельзя отказать автору въ мѣткихъ наблюденіяхъ, какъ, напр., относительно отсутствія у изучаемаго историка данныхъ о внутренней жизни народа—обстоятельство, проходящее красною нитью почти черезъ всю древне-армянскую историографію. Наконецъ, въ 5-хъ, за юнымъ авторомъ должно быть признано хорошее знакомство съ выдающимися въ то время трудами по арменовѣдѣнію (напр., Saint-Martin'а, Boré и др.).

Если принять во вниманіе, что М—нъ былъ по образованію юристовъ, а не филологомъ, то тѣмъ большій интересъ получаетъ его юная работа о Кавказской Албаніи, какъ проявленіе глубоко сознательнаго и идейнаго отношенія автора къ родной литературѣ и исторіи. Чего, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ уже одинъ тотъ фактъ, что 18-лѣтній юноша, не филологъ, садится за переписку старой рукописи неизданнаго еще историка и принимается за ея изученіе! Гордый національнымъ культурнымъ достояніемъ, весьма тонко отмѣчая истинно цивилизаторскую миссію армянскаго народа, создавшаго для Кавказской Албаніи и государственность и письменность (албанскій алфавитъ[9])—твореніе св. Месропа, составителя армянской азбуки)—онъ въ то же время находитъ въ себѣ нравственную силу, съ одной стороны, не поддаваться излишнимъ любезностямъ по армянскому адресу, а съ другой—укорять тѣхъ изъ своихъ же соотечественниковъ, которые, по его глубокому убѣжденію, этого заслуживаютъ. Такъ, указавъ, что французскій оріенталистъ Eugène Boré „хорошо знакомъ съ арм. литературою", М—нъ тутъ же отмѣчаетъ: „но восторженныя его восклицанія о привязанности его и любви къ армянамъ нельзя принять за совсѣмъ чистую монету"[10]); или, упомянувъ въ теплыхъ словахъ о заслугахъ архим. Саллантіана, какъ преподавателя Лазаревскаго института и выдающагося армениста[11]), онъ не хочетъ скрывать того позорнаго факта, что нѣкоторые изъ его учениковъ не хотѣли впослѣдствіи признать за своимъ славнымъ наставникомъ «даже правильнаго знанія отечественнаго (т.-е. армянскаго) языка»

Способность къ научному изслѣдованію, несомнѣнная наклонность въ сторону гуманитарнаго знанія, проявленныя нашимъ авторомъ въ его юномъ экскурсѣ въ область арм. исторической письменности, равно какъ и послѣдующая его литературно-ученая дѣятельность, можетъ только заставить насъ послать двойной упрекъ его судьбѣ: и за то, что она направила юнаго Михаила изъ стѣнъ Лазаревскаго института, гдѣ заложенъ былъ его настоящій духовный фундаментъ, не въ историко-филологическія аудиторіи, а на юридическій факультетъ, и за то, что одѣвъ его, по окончаніи университетскаго курса, въ доспѣхи Марса, она лишила въ значительной степени науку всего того, чего мы въ правѣ были бы ожидать, если бы онъ сдѣлался служителемъ алтаря Аѳины.

Во всякомъ случаѣ, Мих. Міансаріанъ—одинъ изъ славнаго круга армянскихъ студентовъ-идеалистовъ стараго времени, почерпавшихъ вдохновеніе для своей дѣятельности въ свѣтломъ источникѣ сознательнаго патріотизма, и память о немъ должна остаться священною для ихъ коллегъ молодого поколѣнія! Равнымъ образомъ, имя его, на ряду со старыми именами Арзановыхъ[12]) и другихъ заслуженныхъ передъ армянскимъ народомъ питомцевъ Лазаревскаго института, останется навсегда украшеніемъ академической лѣтописи «Армянской гг. Лазаревыхъ Гимназіи», какъ назывался въ первые годы своего существованія этотъ почтенный разсадникъ національнаго просвѣщенія[13]).

Леонъ Мсеріанцъ.

---

[9]) Судьбѣ угодно было сохранить до нашихъ дней знаки алфавита Кавказскихъ Албанцевъ. Ихъ приводитъ впервые оріенталистъ Боре (въ своей книгѣ—„Correspondance et mémoires d'un voyageur en Orient", t. II. p. 50), познакомившійся (въ 1838 г.) съ ними въ одной рукописи Эчміадзинской библіотеки. Далѣе, арменистъ dr. phil. Н. Карачьянцъ нашелъ въ одной рукописи нѣкоторые знаки алб. алфавита и опубликовалъ ихъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Zeitschrift d. deutschen morgenländ. Gesellschaft" за 1886 г., т. 40-й, стр. 315—319 („Einundzwanzig Buchstaben eines verlorenen Alphabets"). Наконецъ, намъ удалось найти, повидимому, полный составъ алб. алфавита (унціальнаго характера) въ одной изъ рукописей, принадлежавшихъ нашему дѣду, Мсеру Мсеріанцу; соотвѣтствующее изданіе подготовляется нами къ печати.

[10]) М—нъ имѣетъ въ виду уже упомянутую книгу Боре—„Correspondance et mémoires etc".

[11]) Весьма поучительно и глубоко трогательно то, что сообщаетъ М—нъ о Саллантіанѣ, какъ преподавателѣ института. „Впослѣдствіи,—читаемъ мы у него,—по сильно разстроенному здоровью, онъ передалъ свои каѳедры (Саллантіанъ помимо армянскаго языка преподавалъ также Законъ Божій и богословіе; прим. Л. М.) другимъ, своимъ же ученикамъ, не переставая надзирать за ихъ преподаваніемъ. Цѣлые часы сиживалъ онъ въ институтскихъ классахъ, направляя учителей и учениковъ." („Библ. для чтенія", 1853, май, отд. VII, стр. 2, подстрочн. прим. 5).—Слѣдуетъ добавить, что эти обязанности наставника-руководителя Саллантіанъ принялъ по просьбѣ и иниціативѣ Лазаревыхъ, высоко цѣнившихъ педагогическую дѣятельность ученаго архимандрита; интересные, относящіеся сюда матеріалы находятся въ различныхъ «Дѣлахъ» правленія Лазар. института за 40-ые годы.

[12]) Оба брата Арзановы (первые „безсмертные", занесенные на „золотую доску" Лазаревскаго института) своимъ „Опытомъ начертанія исторіи царства армянскаго и пр." (М., 1827, in 4°) и нѣкоторыми другими работами значительно содѣйствовали пробужденію въ учено-литературныхъ русскихъ кругахъ интереса къ армянской письменности, что ясно видно изъ рецензіи на ихъ «Опытъ», помѣщенной въ „Московскомъ Телеграфѣ" за 1827 г., т. XIV, № 8, стр. 314—317.

[13]) Лазаревскому институту, точнѣе ученой дѣятельности нѣкоторыхъ членовъ его преподавательской корпораціи, М—нъ посвятилъ научный фельетонъ въ „Русскомъ Инвалидѣ", 1857 г., № 28, стр. 116—117 («Ученая дѣятельность Лаз. и—та.—Изданіе г. Іоаннисянцемъ исторіи Смбата и новѣйшихъ арм. пѣсенъ.—Арм. импровизаторы: Азбаръ Адамъ, Ованнесъ Карапетьянъ, Нирани.—Труды гг. Зиновьева и Мсеріанца по исторіи и—та и фамиліи Лазаревыхъ»).

Наиболѣе цѣнною частью этого фельетона являются біографич. свѣдѣнія о трехъ импровизаторахъ (ашугахъ), на основаніи данныхъ, сообщенныхъ издателемъ ихъ произведеній, г. Восканомъ Іоаннисьянцемъ. Эти свѣдѣнія повторены, въ армянскомъ изложеніи, въ „Khnar Haykakan" (стр. 58—589) М—на. Такимъ образомъ эта статья (на ряду съ нѣкоторыми статьями, появившимися въ тифл. газетѣ «Кавказъ» въ началѣ 50-хъ годовъ) была одною изъ наиболѣе раннихъ, въ которой русская публика до нѣкоторой степени знакомилась съ арм. народными пѣвцами.

P. S. Было бы очень желательно, если бы лично знавшіе М. М—на сообщили о немъ на страницахъ „Армянскаго Вѣстника" или арм. журналовъ свои воспоминанія, которыя могли бы послужить цѣннымъ матеріаломъ для будущаго біографа этого выдающагося, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время полузабытаго, армянскаго общественнаго дѣятеля. Далѣе, было бы весьма важно знать, какіе остались послѣ М. М-на труды, подготовлявшіеся къ печати, или вообще собранные имъ матеріалы (въ особенности для II тома „Bibliographia caucasica et transcaucasica"), а также сохранилась ли его обширная переписка, которую ему приходилось вести съ очень многими лицами, подготовляя свои оба капитальныхъ изданія: „Khnar Haykakan" и „Bibliographia caucasica et transcaucasica".

Л. М.

ПОБѢГЪ*).

(Страничка моей жизни).

III.

Вокругъ насъ царила тишина, наводящая страхъ. Жизнь словно замерла. Знакомые намъ дома какъ бы исчезли совсѣмъ; крестьяне съ вечера забились въ свои уголки. Въ деревнѣ Воску-Бакъ было двадцать домовъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не лаяла ни одна собака, потому что знали насъ всѣхъ. О жизни напоминалъ одинъ лишь ручей, который, тихо журча, протекалъ мимо деревни. Воздухъ былъ чистъ и неподвиженъ. Стояла лунная ночь—одна изъ южныхъ сентябрьскихъ ночей.

Подъ прикрытіемъ десяти всадниковъ мы, какъ арестанты, шли молча, погруженные въ думы.

Мнѣ было очень весело; мое юношески-пылкое воображеніе несло меня въ Персію, Россію и дальше. Мнѣ представлялось, будто въ этихъ странахъ земля и вода, люди и животныя не такіе, какъ въ Турціи; тамъ жизнь иная, обычаи другіе; тамъ много революціонеровъ, тамъ свобода, тамъ пріятно жить. Да, наконецъ, если тамъ и нѣтъ всего этого, то, по крайней мѣрѣ, тамъ я могу надѣть на себя европейскую шляпу, которая запрещена въ Турціи и которой мнѣ очень хотѣлось пользоваться. Эти-то блестящія перспективы, рисовавшіяся какъ мнѣ, такъ и моимъ товарищамъ, наполняли радостью наши сердца и непроницаемымъ флеромъ заволакивали печальные и тревожные дни нашего прошлаго.

Въ полночь мы очутились у обширнаго луга, который намъ надо было быстро проѣхать не только потому, что лошадямъ легко было итти по нему, но и потому, что намъ могла грозить тамъ опасность. По распоряженію начальника гонцовъ Махмета, каждый изъ насъ вскочилъ на крупъ лошади, ухватился руками за сидѣвшаго на ней валада, послѣ чего всѣ они вошли въ свою настоящую роль.

Подъ сорока копытами коней земля грохотала, кони съ опущенными поводьями мчались бѣшено и наполняли воздухъ фырканьемъ.

Держа ружья наготовѣ и почти стоя на стременахъ, эти дѣти горъ словно упражнялись себѣ на потѣху, намъ на горе.

Отъ тѣхъ мучительныхъ минутъ почти ничего не осталось въ моей памяти; лишь одно то помню, какъ крѣпко я держался за жилистую поясницу Чато, и, казалось, умолялъ его укротить яраго коня: напрасно! Все это доставляло Чато удовольствіе...

Такой бѣгъ, продолжавшійся всего полчаса, вогналъ коней въ потъ: всѣ они очутились въ мылѣ и тяжело дышали, наполняя воздухъ паромъ.

Мы ужъ проѣхали порядочно, оставивъ далеко за собою широкую равнину; съ нами ничего не случилось въ долинѣ бѣдъ. Теперь былъ подъемъ; мы слѣзли съ коней и пошли медленными и однообразными шагами. Какъ потомъ выяснилось, товарищи мои пережили болѣе мучительныя минуты, чѣмъ я—мое положеніе было наиболѣе сноснымъ и завиднымъ. Узнавъ объ этомъ, я ужъ болѣе не отставалъ отъ Чато, и мы очень скоро подружились, въ особенности, когда я предоставилъ ему весь хлѣбъ, сыръ и изюмъ, имѣвшіеся въ моей сумѣ.

Оказалось, что Чато былъ душою всего отряда: онъ умѣлъ шутить и острить и безразлично былъ всѣми любимъ. Странное дѣло: онъ не курилъ, много ѣлъ и всегда былъ голоденъ. Съ его обжорствомъ связано много разсказовъ, которые, умирая со смѣху, передавали другіе гонцы. Вотъ одинъ изъ нихъ, разсказанный мнѣ самимъ Чато.

Какъ самый младшій изъ всѣхъ и какъ человѣкъ податливый, Чато оказывался всегда подъ вліяніемъ другихъ; послѣдніе же въ своихъ интригахъ доходили до того, что въ угоду себѣ накладывали все ему на шею и отъ него же все требовали. Чато не разъ выражалъ свой протестъ противъ подобныхъ несправедливостей, однако, его протесты не приводили ни къ чему.

Но вотъ что случилось разъ: Когда отрядъ возвращался изъ Персіи, одинъ изъ гонцовъ, до котораго дошла очередь нести «хурджинъ» съ хлѣбомъ, передалъ его Чато, хорошо зная слабость послѣдняго. Тотъ, сдержавъ свой гнѣвъ, взялся нести. Ночью, проголодавшись, Чато сталъ ѣсть хлѣбъ, ѣлъ всю ночь, такъ что къ утру ни въ одной половинѣ «хурджина» не осталось ни кусочка хлѣба, ни сыра.

На слѣдующій день, когда усталый, голодный отрядъ остановился на вершинѣ хорошо извѣстной ему горы, у родника, чтобы отдохнуть и поѣсть, Чато, взявъ съ коня «хурджинъ», съ самымъ серьезнымъ видомъ поставилъ его передъ гонцами. Гонцы открыли «хурджинъ»—и что же? «Хурджинъ» оказался полнымъ песку, камня и кизяку. Когда Чато спросили, почему онъ именно этими вещами наполнилъ «хурджинъ», то Чато отвѣтилъ: песокъ, молъ, вмѣсто изюма, камень—вмѣсто сыра, а кизякъ—вмѣсто хлѣба.

Какъ ни голодны были гонцы, все же захохотали они во всю, повеселѣли, и поневолѣ пустились ѣхать дальше.

Послѣ этого случая гайдуки ужъ болѣе не давали ему нести «хурджинъ» съ хлѣбомъ или съ чѣмъ другимъ, что навсегда избавило его отъ излишнихъ тягостей.

Чато еще много другого поразсказалъ мнѣ объ отрядѣ, какъ и о себѣ,—и все это хранится у меня

*) См. „Армянскій Вѣстникъ" № 35—36.

въ памяти и не лишено значенія для исторіи нашей революціи.

Взобравшись на гору по трудно проходимому подъему, представлявшему собою не что иное, какъ голые уступы, мы остановились, чтобы нѣсколько перевести духъ.

Внизу, межъ двухъ горъ, раскинуто было не очень большое сжатое поле, а вдоль него протекалъ ручей, сладкозвучное журчанье котораго доходило до насъ и ласкало нашъ слухъ не хуже всякой музыки.

Какъ разъ посрединѣ поля шла узкая, зигзагообразная тропинка, вырисовывавшаяся при лунѣ, какъ лента молочнаго цвѣта. По ней-то и должны были мы итти. Узость тропинки свидѣтельствовала именно о томъ, что по ней не было большого движенія и что ею пользовались одни лишь земледѣльцы да подобныя намъ подозрительныя лица.

Спустившись съ горы, мы, какъ и на предыдущей равнинѣ, сѣли вновь на лошадей, но на этотъ разъ мы ихъ не погнали.

Впереди всѣхъ ѣхалъ по обыкновенію Махметъ, за нимъ—Джафаръ, затѣмъ другіе, а въ концѣ—я и Чато.

Не успѣли мы выѣхать изъ поля, какъ вдругъ лошади стали, Махметъ и Джафаръ моментально соскочили съ лошадей и нагнулись къ землѣ. То же сдѣлали инстинктивно и другіе, и мы всѣ столпились вокругъ Махмета. Не объясняя, въ чемъ дѣло, Махметъ приказалъ всѣмъ выйти съ дороги. Такъ и сдѣлали.

Мы съ любопытствомъ и въ недоумѣніи слѣдили за каждымъ дѣйствіемъ гонцовъ: прошептавши другъ другу что-то въ ухо, они принялись разслѣдовать дорогу своими испытующими, все видящими глазами.

Что могло случиться? Ничего особеннаго: вѣроятно, Махметъ или Джафаръ потеряли что-нибудь, но что именно потеряли,—этого мы не знали и спрашивать не рѣшались. Однако, немного спустя все выяснилось.

Непродолжительный дождь слегка окропилъ землю, такъ что на этой пыльной дорогѣ ясно были видны слѣды человѣческихъ ногъ, слѣды эти кончались какъ разъ посреди поля. Осмотрѣвъ еще разъ дорогу и эти слѣды, валады пришли къ заключенію, что на полѣ или въ окрестности скрывается какой-то человѣкъ, котораго надо непремѣнно выискать, иначе намъ грозитъ опасность по этой дорогѣ.

Не теряя минуты, начальникъ приказалъ двоимъ направиться къ ручью, четверымъ занять оба ущелья, а остальнымъ приступить къ розыску.

Первымъ долгомъ мы должны были осмотрѣть скирды, находившіяся по обѣ стороны дороги. О, мнѣ не забыть этого напряженно - выжидательнаго часа! Мы подошли сперва къ одной скирдѣ, въ одно мгновенье разбросали снопы, но никого не нашли, затѣмъ перешли всѣ къ другой скирдѣ, спустили нѣсколько сноповъ—опять никого! Мы подняли еще два-три снопа—и передъ нами предсталъ нѣкій призракъ; мы невольно попятились, а тотъ молча подошелъ къ намъ.

— Стой! Не шевелись! Не то—убью!—сказалъ Махметъ, держа ружье наготовѣ.

— Ахъ, пощадите, не убивайте!—взмолился незнакомецъ, бросивъ ружье.

Это былъ человѣкъ высокаго роста, худой, съ чалмой на головѣ, въ аскерской шинели, въ гамидійскихъ шароварахъ и турецкихъ туфляхъ. У него былъ двойной патронташъ, кинжалъ съ бѣлой рукояткой и германское ружье новой системы. И все же онъ дрожалъ, какъ листъ, и жалобно-жалобно визжалъ.

— Скажи по правдѣ: кто ты и откуда?—спросилъ Махметъ, понизивъ голосъ.

— Какъ видите, я—аскеръ,—отвѣтилъ тотъ, нѣсколько придя въ себя:—я былъ на границѣ, теперь иду домой.

— Зачѣмъ?—спросилъ Джафаръ.

— Давно, какъ я оставилъ дѣтей, хочется повидаться съ семьей, да и самъ я боленъ...

— А ты на это получилъ разрѣшеніе или же самовольно убѣжалъ?

— По правдѣ сказать, я убѣжалъ самовольно.

— Куда же ты думаешь итти? Въ какомъ направленіи?

— По направленію къ Сара.

— Къ Сара? Развѣ по этой дорогѣ идутъ къ Сара?—спросилъ Махметъ, сурово взглянувъ на аскера.

— Я, право, потерялъ дорогу,—пробормоталъ аскеръ.

— Лжешь, негодяй!—заговорилъ снова Джафаръ.

— Ей-Богу, не лгу!

— Ты вотъ что скажи,—продолжалъ Махметъ:—ночью по этой дорогѣ проѣхалъ отрядъ фидайевъ; изъ нихъ намъ едва удалось поймать десять душъ (онъ указалъ на насъ); не встрѣчалъ ли ты остальныхъ?

Мы слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Незнакомецъ, немного подумавъ, сказалъ:

— Да, ночью по этой самой дорогѣ проѣхалъ отрядъ фидайевъ.

— Давно?

— Нѣтъ, вы, должно-быть, сумѣете ихъ догнать

— Откуда жъ ты знаешь, что это были фидаи: ты развѣ ихъ увидалъ?

— Какъ же я могъ ихъ увидать: вѣдь я тутъ скрывался.

— Такъ почемъ же ты знаешь, что они—фидаи, а не изъ нашихъ.

— Я навѣрное знаю,—не колеблясь, отвѣтилъ аскеръ.

— Значитъ, и ты—фидай?

— Что вы! Не дай Богъ! Я, сынъ Авдуллая, Риза, я—фидай?!. Да будь проклята ихъ вѣра, крестъ... Да погибнутъ они всѣ!..

И аскеръ принялся самымъ наглымъ образомъ поносить армянъ и ихъ дружинниковъ. Всѣ вдругъ замолчали. Гонцы взглянули одинъ на другого, причемъ незнакомецъ старался схватить, прочитать, понять каждое выраженіе на ихъ лицахъ, каждый ихъ взглядъ.

— Такъ, значитъ, ты навѣрняка знаешь, что проѣхавшіе по этой мѣстности были армянскіе фидаи?—вторично спросилъ Махмедъ, смягчивъ тонъ.

— Да, они! ей-Богу, они: — кто же могъ это быть, какъ не они? Кто другой рѣшился бы ночью проѣхать чрезъ эту мѣстность?—отвѣтилъ этотъ темный человѣкъ, еще болѣе пріободрившись.

— Можетъ, это были гамидійцы или суари (турецкая кавалерія)?—возразилъ Джафаръ.

— Нѣтъ, не они, я это твердо знаю,—увѣрилъ аскеръ.

— Откуда, откуда ты это знаешь? Вотъ это-то и хочется намъ узнать. Ты скажи правду, и мы тебя отпустимъ,—сказалъ Джафаръ.

— Клянусь именемъ пророка: это были фидаи— никто другой!

При этихъ словахъ гонцы по знаку, данному Махметомъ однимъ движеніемъ головы, отошли въ сторону, а мы, держа за узды лошадей, стояли передъ незнакомцемъ и съ нетерпѣніемъ ожидали приговора этого неумолимаго полевого суда.

Аскеръ, въ жалкой позѣ подсудимаго, съ любопытствомъ и робко оглядывалъ насъ, не смѣя проговорить и слова.

Въ этотъ таинственный часъ безпечный ручей продолжалъ все журчать, а луна равнодушно освѣщала и насъ, и лошадей, и аскера, и тѣхъ лицъ которыя должны были рѣшить участь одного человѣка.

Лишь только кончили они шептаться межъ собой, всѣ, кромѣ Джафара, вскочили на лошадей, и мы видѣли, какъ Джафаръ, словно барсъ, набросился на аскера, и оба пали наземь. За время этого минутнаго страшнаго состязанія намъ послышался ужасный ревъ, за которымъ послѣдовали стоны и... тишина.

— Все?—спросилъ хладнокровно Махметъ.

— Все!—съ такимъ же спокойствіемъ отвѣтилъ убійца, вытирая кинжалъ.

IV.

Прижавшись къ Чато на лошади, я весь дрожалъ и плакалъ, а гонцы все смѣялись да смѣялись. Случай убійства сильно подѣйствовалъ и на моихъ товарищей, которые хотя и не плакали, но и не выговаривали ни слова; и такъ за всю дорогу мы не сумѣли избавиться отъ тяжелаго кошмара.

Мы шли теперь по иной дорогѣ, то взбираясь на вершины горъ, гдѣ лежалъ глубокій снѣгъ и гдѣ метель справляла свой пиръ, то спускаясь въ такія пропасти, откуда можно было бы выбраться лишь обладая когтями да крыльями.

Мы были утомлены до невозможности; нехватало силъ идти дальше, а верхомъ ѣхать было невозможно.

Мы все же молча взбирались вверхъ, нѣсколько поодаль другъ отъ друга, но рядомъ, такъ какъ камни, выскакивая изъ-подъ нашихъ ногъ и ногъ лошадей, летѣли внизъ, унося съ собою все, что только попадалось имъ на пути.

Весь въ поту, задыхаясь, я съ трудомъ подошелъ къ Чато и едва внятнымъ голосомъ спросилъ:

— Дядя Чато! Не потеряли ли мы дорогу?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ коротко.

— Почему же мы идемъ по такимъ мѣстамъ?— съ той же робостью въ голосѣ спросилъ я.

Тотъ подошелъ ко мнѣ ближе, положилъ по-дружески руку мнѣ на плечо и шопотомъ сказалъ:

— Ѣхать по «партійной дорогѣ» сейчасъ опасно.

— Какъ? Почему?

— Тсс... тише!—предостерегающе сказалъ онъ и замолчалъ.

Не падая духомъ, упорно продолжали мы орошать нагіе утесы да засохшія травки каплями своего пота. Я съ товарищами считали позорнымъ для насъ въ чемъ-либо отставать отъ этихъ горцевъ, и чтобы не дать имъ повода указывать на нашу неопытность и слабость, мы тратили больше силъ и энергіи, чѣмъ это было нужно.

Борьба между мракомъ и свѣтомъ уже давно началась, востокъ постепенно багровѣлъ, а мы все шли да шли.

Съ разсвѣтомъ мы спустились въ какую-то долину. Махметъ и Джафаръ и тутъ остановились.

— Опять что-то есть!—думали мы, и не ошиблись.

Эти удивительные люди одарены были острымъ зрѣніемъ, хорошимъ слухомъ, тонкимъ чутьемъ: ни одинъ предметъ, ни одинъ шумъ, ни одна подозрительная вещь не ускользали отъ ихъ вниманія; все они замѣчали, все видѣли и слышали.

Теперь они осматривали внимательно дорогу, они анализировали слѣды отъ коней, чтобы узнать когда, въ какое время по этой дорогѣ проѣхали темные всадники.

Изучивъ направленіе согнутыхъ травъ, они заключили, что по этой дорогѣ и въ самомъ дѣлѣ опасно ѣхать.

И мы на этотъ разъ пустились ѣхать въ совершенно иномъ направленіи.

Солнце уже стояло довольно высоко, когда мы остановились на склонѣ одной горы, гдѣ журчалъ студеный родникъ, хорошо извѣстный гонцамъ. Наѣвшись хлѣба съ сыромъ и выпивъ холодной воды, валады оставили лошадей подъ нашимъ надзоромъ, а сами легли на осеннюю тощую траву и заснули.

Хотя и мы были утомлены и нуждались въ отдыхѣ, но никто изъ насъ не захотѣлъ лечь спать: мы всю дорогу шли, какъ нѣмые арестанты.

Намъ бы не разрѣшили—да и некогда было— бесѣдовать между собою, подѣлиться впечатлѣніями. Теперь же мы сошлись, и никто и не думалъ о снѣ и отдыхѣ.

Разговоръ нашъ коснулся сперва ночного убійства, оставившаго во всѣхъ насъ глубокое и гнетущее впечатлѣніе. Мы говорили, спорили, обвиняли и оправдывали лицъ, которыя казались намъ столь мягкими и добрыми, но въ которыхъ было столько дикости.

Но особенно долго мы говорили объ ихъ лошадяхъ, которыхъ мы пасли, ласкали, за которыми мы такъ ухаживали. Эти неустанные работники, обычно ходившіе столь же просто и медленно, какъ ослы, въ минуты опасности мчались съ быстротой оленя. Умные ихъ глаза внушали намъ уваженіе къ нимъ, и мы съ чувствомъ признательности и не безъ удовольствія гладили ихъ по ихъ могучей спинѣ и черногривой шеѣ. У каждой на бедрѣ красовалось партійное клеймо, и горе тому, кто бы дерзнулъ овладѣть этими неприступными лошадьми! А ихъ растрескавшіяся копыта? Кто вѣдаетъ, сколько подковъ, сколько гвоздей износили они на тернистомъ пути самозащиты турецкихъ армянъ! Кто дѣлилъ съ этими лошадьми нѣсколько дней дороги— лишь тотъ можетъ понять, какую большую и священную работу выполняютъ эти безсловесныя твари въ дѣлѣ людской свободы. Внимательно наблюдавшему ихъ кажется, будто эти четвероногіе герои говорятъ безъ словъ слѣдующее:

«Каждая капля нашего пота равносильна капелькѣ пролитой за свободу человѣческой крови: вѣдь и мы боремся за свободу, равенство и братство, и мы несемъ на себѣ тяжелый крестъ, выпавшій на долю человѣчества».

И мы цѣловали ихъ умные глаза, которые такъ ясно выражали смыслъ этихъ строкъ.

Нещедрое осеннее солнце убирало со склоновъ и вершинъ горъ свои блѣдные лучи. Тихій вѣтеръ, свистя, проносился по травкамъ и шелъ умирать у голыхъ стремнинъ.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали того момента, когда мы отправимся дальше.

Гонцы проснулись: вѣдь уже кончался день, обычно служившій имъ ночью, и наступала ночь, ихъ день. Вставши, они прежде всего разсмотрѣли сѣдла и узды, затѣмъ связали распущенные до того ремни, и поправивъ такимъ образомъ сбрую, пустились въ путь.

Очутившись по другую сторону горы, мы увидѣли передъ собой опять обширную равнину, а на ней—тысячи шатровъ и стада овецъ съ пастухами. Нѣсколько подальше отъ шатровъ, на высокомъ мѣстѣ стоялъ бѣлый домъ, окна котораго отражали въ стеклахъ слабые лучи заходящаго солнца и походили на пару сверкающихъ во мракѣ глазъ изголодавшагося волка. Мы пробирались по расщелинамъ горъ, пока стемнѣетъ окончательно.

— Дѣти мои!—сказалъ Махмедъ, обращаясь къ намъ,—это домъ Шарафъ-бека, всѣ шатры, весь этотъ скотъ принадлежатъ ему, его аширету (клану). Послѣ ханарскаго боя онъ поселился тутъ. Какъ разъ мимо его дома и проходитъ дорога въ Персію, короткая и безопасная. Когда будемъ мы проѣзжать по ней, раздастся, быть-можетъ, лай собаки, людской говоръ—намъ не слѣдуетъ бояться. Не бойтесь и тогда, когда они забьютъ тревогу и начнутъ стрѣлять. Вы только покрѣпче держитесь за насъ—и все пойдетъ на ладъ. Вамъ нечего плакать, кричать! Курды, все равно, не погонятся за нами: они походятъ на дворняжекъ, которыя лаютъ на прохожаго только на нѣкоторомъ разстояніи. Мы ихъ прекрасно знаемъ. Но если даже и попадемся въ ихъ руки—не бѣда: вѣдь въ настоящее время отношенія между партіей и Шарафъ-бекомъ уладились.

Только намъ не хотѣлось бы, чтобы этотъ битый волкъ все узналъ и увидѣлъ.

Итакъ, намъ предстоятъ новыя испытанія, новыя страданія! Мы не знали, когда Махмедъ и его друзья перестанутъ, наконецъ, предостерегать насъ и давать намъ наставленія, и машинально дѣлали все, что намъ приказывали и совѣтовали.

Тьма до того сгустилась, что даже вблизи нельзя было различать предметовъ, и мы двигались, какъ слѣпые. Лай собакъ и говоръ людской, не слышные днемъ, теперь ясно, отчетливо доносились до насъ издали и усиливали біеніе нашего и безъ того робкаго сердца.

Спустившись къ подножію горы, гонцы вскинули, словно раненыхъ зайцевъ, насъ на спину къ себѣ на лошадь, и—айда!..

Мы доѣхали до бѣлаго дома, который, казалось, былъ не далеко, ровно въ полночь, когда луна поднялась уже высоко.

Рѣчка, протекавшая мимо дома, заглушала своимъ шумомъ всякій шелестъ или шопотъ. Вода ударялась о бока нашихъ лошадей, доходя до стремянъ, но мы, поджавъ ноги, выбрались изъ рѣки сухими. Выѣхавъ на берегъ, всегда осторожный Махметъ обратился къ своимъ друзьямъ и сказалъ что-то такое, чего мы совершенно не разобрали, потому что произнесенныя имъ слова были ни изъ турецкихъ ни изъ курдскихъ. Послѣ этихъ словъ Чато, обернувшись ко мнѣ, тихо сказалъ:

— Держись крѣпко за меня! Не кашляй и помни, что сказалъ Махмедъ.

Сильная дрожь охватила меня. Чтобы не упасть, я все сильнѣе прижимался къ Чато. Лошади шли шагомъ и торжественно, какъ идутъ во время погребальныхъ процессій; даже стука ихъ подковъ не было слышно, по навостреннымъ ихъ ушамъ видно было, что эти умныя животныя понимали своихъ хозяевъ и чувствовали опасность момента.

Какъ долго длилось это напряженное состояніе—я не помню. Только то знаю, какъ Чато, державшій ружье наготовѣ, положилъ его спокойно передъ собой, громко закашлялъ и потрепалъ за гриву лошади; этимъ онъ хотѣлъ, во-первыхъ, выразить свою господскую благодарность, а во-вторыхъ, дать ей понять, что опасность миновала.

Остальные гонцы тоже кашляли, говорили, курили, отъ чего мы приходили въ себя, становились бодрѣй.

На слѣдующій день мы должны были быть уже въ Салмастѣ. Стало-быть, послѣднюю ночь проводили подъ небомъ Оттоманской имперіи, въ послѣдній разъ мы дышали воздухомъ этой страны, гдѣ мы родились, гдѣ мы росли, но гдѣ намъ не удалось пережить ни одного счастливаго дня.

Мы ѣхали теперь по извѣстному Ханасарскому полю, гдѣ было тихо и безлюдно, какъ въ пустынѣ, и гдѣ, какъ отъ кладбища, вѣяло ужасомъ.

На поляхъ, холмахъ, на горахъ обыкновенно можно было видѣть костры, раскладываемые курдами. Теперь же ихъ нигдѣ не горѣло. Не слышалось и курдской пѣсни «ло-ло», которая бы ласкала нашъ слухъ, утомленный отъ лая собакъ. Словомъ, надо всѣмъ царило безмолвіе.

Махметъ съ большимъ воодушевленіемъ передавалъ подробности битвы, не безъ удовольствія указывалъ мѣста, гдѣ раньше раскинуты были шатры Шарафъ-бека, а также замѣчательный Аравушъ,—мѣста, съ которыми связаны были воспоминанія то грустныя, то радостныя—этого испытавшаго и видѣвшаго многое на своемъ вѣку человѣка.

Дорогою валады намъ давали столько совѣтовъ и наставленій, столько разъ насъ обманывали—говоря, напр., будто только въ данномъ мѣстѣ угрожаетъ намъ опасность, а дальше все спокойно, или что намъ остается лишь заѣхать за гору, чтобы вотъ-вотъ увидѣть персидскую границу и т. д. и т. д.—что мы перестали вѣрить ихъ словамъ, и ихъ авторитетъ мало-по-малу падалъ въ нашихъ глазахъ.

Они это чувствовали; потому-то, когда мы проѣхали Ханасарское поле, они слова намъ не сказали о возможной впереди опасности. Они только слѣзали съ лошадей, насъ посадили на сѣдла, а сами пошли впередъ.

Послѣ такого подозрительнаго дѣйствія Чато, отдѣлившись отъ нихъ, присоединился къ намъ.

— Что это, дядя Чато? Опять?—спросилъ Мусесъ.

— Ничего, ничего, не бойтесь; ничего не будетъ.

— Да, какъ же: ничего! Вы все говорите: ничего!—съ недовольствомъ проговорилъ Шаэнъ.

— Вотъ увидите, я вамъ говорю, черезъ пол-

часа мы будемъ у границы...

— Серьезно? Такъ клянись жизнью своихъ дѣтей!—сказалъ я.

— Ей-Богу! Пусть накажетъ Господь меня и дѣтей моихъ, если вру,—поклялся Чато.

Во время нашей мирной бесѣды раздался внезапно выстрѣлъ изъ ружья, заставившій насъ приникнуть головой къ гривѣ лошадей. Объятые ужасомъ, мы остановили лошадей, въ то время какъ Чато все хохоталъ, качая головой.

Выстрѣловъ больше не было. Мы услыхали лишь, какъ гонцы свистѣли да мяукали, на что Чато отвѣчалъ въ совершенно иномъ духѣ и тонѣ.

Мы только впослѣдствіи узнали причину такого непонятнаго намъ поступка, причину, болѣе чѣмъ странную.

Дѣло въ томъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ были у границы, на разстояніи всего 200—300 шаговъ отъ постовъ. Съ цѣлью вывѣдать настроеніе пограничной стражи, валады и выстрѣлили, разсчитывая такъ: если отвѣтятъ на выстрѣлъ, то это будетъ означать, что составъ стражи уже другой, не прежній, слѣдовательно намъ грозитъ опасность; если же отвѣтнаго выстрѣла не раздастся, то, значитъ, составъ остался прежнимъ, ѣхать можно спокойно.

Помимо этого, Чато указалъ еще на то, что валады и не прочь бы вступить въ бой, такъ какъ давно уже не пускали въ ходъ ружья. Онъ съ неуваженіемъ отзывался о пограничникахъ, которые только дармоѣдничали и не выполняли своихъ обязанностей, т.-е. не выходили на бой въ нужное время, какъ этого желалъ Чато.

Какъ только мы подъѣхали къ самой границѣ, Чато, топнувъ ногой объ землю, сказалъ:

— Вотъ вамъ и земля Иранская!

Какъ только онъ сказалъ это, я сейчасъ же слѣзъ съ лошади и—о, юношеская наивность!—взявъ горсть пыли, не безъ удивленія замѣтилъ, что персидская земля ничѣмъ не разнится отъ турецкой, между тѣмъ какъ я твердо былъ увѣренъ, что въ различныхъ государствахъ различная же земля, точно такъ же, какъ это бываетъ начертано на картахъ.

Въ полдень предъ нами предстало другое зрѣлище: на обширномъ пространствѣ расположенъ былъ цѣлый рядъ мелкихъ деревень, утопавшихъ въ зелени, окруженныхъ вспаханными и невспаханными полями и богатыхъ серебряно-чистой водой, избороздившей въ разныхъ направленіяхъ этотъ плодородный край.

Это былъ городъ Салмастъ, родина Раффи, мѣсто рожденія извѣстнаго его романа «Кайцеръ» («Искры»),—край, въ которомъ мы прожили нѣсколько мѣсяцевъ и въ которомъ многое увидѣли, многому научились.

(Окончаніе).

Рэнъ.

Письма съ пути.

Ровно черезъ годъ мнѣ вновь пришлось побывать въ Мама-Хатунѣ и въ Ерзинджанѣ. Разница большая. Прошлый разъ Мама-Хатунъ представлялъ изъ себя ближайшую боевую позицію. Выстрѣлы изъ орудій во всякое время дня и ночи были ясно слышны. Это были дни страха за нашъ правый флангъ у Копъ-дага. Въ концѣ-концовъ мы вынуждены были эвакуировать Мама-Хатунъ, а мнѣ пришлось подъ проливнымъ дождемъ пройти верстъ 35 до Еникея вмѣстѣ съ бѣженцами-армянами. Съ тѣхъ поръ много утекло воды. Этотъ маленькій полуразрушенный городокъ съ такимъ замысловатымъ названіемъ превратился въ нашъ тыловой интендантскій уголокъ. Мама-Хатунъ даже входитъ въ черту генералъ-губернаторства Арменіи. Здѣсь имѣетъ мѣстопребываніе представитель революціоннаго правительства комиссаръ Мама-хатунскаго и Дерджанскаго округовъ. На немъ лежитъ высокая обязанность защиты интересовъ мѣстнаго населенія и ихъ устроеніе въ хозяйственномъ отношеніи. Надо отдать полную справедливость, что дѣятельность комиссара не оставляетъ желать лучшаго.

Былъ случай, когда по какимъ-то соображеніямъ командиру корпуса понадобилось выселить жителей изъ селенія Пичарачъ (древній Багаринджъ). Жители этого села только что устроились, засѣяли поля, и вдругъ—новое разореніе. Только заступничество комиссара спасло жителей отъ новаго несчастія и все устроилось по-хорошему. О, если бы это было при старомъ строѣ, когда Мама-Хатуномъ управляли выгнанные за грязныя исторіи полицейскіе пристава!

Конечно, приказъ былъ бы выполненъ, а населеніе разорено.

Видимо, завоеванныя части Арменіи приходится представителямъ новаго строя завоевывать вновь, но „мирнымъ образомъ". Объѣзжая части войскъ и возвращаясь въ Мама-Хатунъ, я нѣсколько разъ заходилъ въ отдѣленіе москов. армян. комитета. Здѣсь идетъ живая работа и попеченіе о бѣженцахъ или, лучше сказать, новыхъ колонистахъ—армянахъ.

Разговоръ нашъ шелъ вокругъ интересовъ дня: сколько собралось и устроилось здѣсь армянъ, каковъ результатъ ихъ полевыхъ работъ, каковъ урожай хлѣба, сколько рабочаго скота и т. п. На всѣ мои вопросы я получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Завѣдывающій пунктомъ Е. Арутюнянъ—человѣкъ съ высшимъ образованіемъ и преданный дѣлу.

Мама-Хатунъ въ настоящее время превратился въ пунктъ, куда черезъ Фамъ дерсимскіе курды-проводники приводятъ спасаемыхъ ими армянъ. Я видѣлъ группу изъ девяти душъ, которыхъ курдъ Юсуфъ привелъ изъ Малатіи по непроходимымъ горнымъ тропинкамъ и ущельямъ, извѣстнымъ только ему. На этотъ разъ Юсуфъ привелъ и своихъ двухъ женъ, изъ которыхъ первая курдинка, а вторая армянка.

Сначала приводили плѣнныхъ армянъ прямо въ Ерзинджанъ, а когда, благодаря мудрой политикѣ генер. Калитина, Хана-Юмудскаго, Хасанъ-бея и др., дружба курдовъ-деремизцевъ перешла во вражду, то пути для спасенія закрылись. И вотъ лишь теперь Юсуфу удалось открыть новый путь, по которому онъ обѣщаетъ до зимы доставить много армянъ.

Въ Ерзинджанъ я пріѣхалъ, когда уже кончились бои 1—6 августа. Краткія телеграммы

говорили о Джендживейскихъ и Ага-бабинскихъ бояхъ, о скопищахъ курдовъ, о сожженіи ихъ селъ и т. п. Точно это была карательная экспедиція, а не серьезное дѣло. А между тѣмъ, надо признать, что наши части въ этихъ бояхъ держали революціонный экзаменъ. Турки, подогреваемые нѣмцами, вообразили, что и имъ удастся гдѣ-либо прорвать нашъ фронтъ и заставить наши корпуса отступить.

И вотъ началось давленіе на огнотскомъ направленіи, чтобы прорваться на Хнысъ-калу и зайти въ тылъ Эрзеруму черезъ Кеприкей, атаки на Шейтанъ-дагъ на кигійскомъ направленіи, чтобы выйти на ерзинджанско-эрзерумскую дорогу, бои по южную сторону Ерзинджанскаго ущелья, атаки на Ага-бабу на высотѣ чуть ли не 3000 метр., гдѣ армянскіе стрѣлки въ шубахъ и валенкахъ несутъ зорко свою службу. Цѣль была ясна: повсюду перерѣзать пути сообщенія и принудить насъ къ отступленію. Не имѣя достаточныхъ силъ, турки разсчитывали одержать надъ нами моральную побѣду, подобно нѣмцамъ на западѣ. Но... ошиблись. Наши солдаты съ сознаніемъ долга отбивали атаки и, въ свою очередь, переходили въ наступленіе. Моральный урокъ былъ данъ и блестяще.

Однако дни были тревожные. Тревогу пережили и въ московскомъ арм. комитетѣ. Всѣ сироты были отправлены въ Эрзерумъ. Армянское населеніе готовилось къ выселенію. Вѣдь, не въ первый разъ за эту войну армянамъ приходится бросать поля неубранными на радость врагу. Вспомнимъ только іюль 1915 г. и великій исходъ изъ Вана, августъ 1916 г. и исходъ изъ Муша и Битлиса. Былъ и здѣсь тревожный день, но, слава Богу, прошелъ. Подулъ прохладный горный вѣтеръ, и все улеглось......

Жизнь ерзинджанскихъ армянъ постепенно приходитъ въ норму. Церковь св. Сергія приведена въ порядокъ и бѣженецъ, о. Гевондъ, изъ сел. Армдана, совершаетъ службы. Зимою функціонировала школа, базаръ оживился. Московскій комитетъ привелъ въ порядокъ принадлежащую армянскому обществу лучшую въ гор. баню, и бѣженцамъ, а также солдатамъ (два раза въ недѣлю) есть гдѣ безплатно вымыться. Баня прекрасная.

Московскій комитетъ занятъ теперь ликвидаціей урожая. Урожай плохой. Причинъ много. Едва получится самъ-третей или самъ-четвертъ. Но все-таки, если зима пройдетъ спокойно, то жители, вѣроятно, сумѣютъ прокормиться за свой счетъ. Идетъ раздача шерсти и подготовка къ зимѣ. Комитетъ—это живой муравейникъ. Докторъ Погосянъ, завѣдующая Г. Затикянъ, Давидъ Ардашесъ и другіе пользуются общей симпатіей.

Много непріятности доставилъ моск. комитету здѣшній такъ называемый „Мусульманскій военно-благотворительный комитетъ", самовольно производившій обыски у армянъ.

Ерзинджанскій исполнительный комитетъ постановилъ ликвидировать этотъ комитетъ за дѣятельность, не соотвѣтствующую назначенію, разрѣшивъ одновременно изъ мѣстныхъ мусульманъ создать дѣйствительно благотворительный комитетъ.

Много разговоровъ среди армянъ вызвало желаніе корпуснаго командира Ляхова сосредоточить армянъ на лѣвомъ берегу Евфрата. Генералу казалось, что такое сосредоточеніе армянскаго населенія между курдскими селами, съ одной стороны, и лѣвымъ берегомъ Евфрата—съ другой, будетъ полезно для самихъ же армянъ. Но, видимо, онъ оставитъ эту мысль, такъ какъ теперь это вредно отразится на едва устроенномъ хозяйствѣ армянъ, не говоря уже о стратегическихъ и другихъ неудобствахъ. Да, вообще, мнѣ думается, разныя манипуляціи съ бѣженцами—не дѣло военной власти. Ихъ дѣло сказать, мѣшаютъ ли вообще они или совершенно вредны съ чисто военной точки зрѣнія, а разселеніе и попеченіе о нихъ лучше оставить гражданскимъ установленіямъ и благотворительнымъ комитетамъ. Швырять ихъ туда или сюда едва ли можетъ быть полезно. Пора дать покой такъ много потерпѣвшимъ армянамъ. И пора признать наконецъ, что за ними будущее въ ихъ родной странѣ, тѣмъ болѣе, что они кромѣ пользы ничего не приносятъ Россіи. Этого не видятъ только слѣпцы и люди стараго строя.

Прот. Р. Бекгульянцъ.

Августа 15
Ерзинджанъ.

Свирѣль и скрипка.

Кто выдумалъ скрипку?.. Кто выдумалъ свирѣль?..

Это было ранней весной, день былъ ясный, лазурный. Радостно пѣли птицы въ чащѣ темнаго лѣса Ганга. Налеталъ вѣтеръ и уносилъ съ собой одежду деревьевъ. Журчалъ ручей и прекрасная Лакмэ любила счастливаго Гаянти.

Гаянти, лежа у камышей, безцѣльно чинилъ камышъ и, полный сладостныхъ думъ, смотрѣлъ на Лакмэ, а Лакмэ рвала цвѣты и пѣла; и такъ была она счастлива, что и не знала сама, о чемъ пѣла.

Говорилъ сказочный лѣсъ и жужжалъ, какъ исполинскій темный улей, полный жизни и пѣсенъ.

Смотрѣлъ Гаянти на любимую дѣвушку и безцѣльно чинилъ; чинилъ камышъ, отбрасывалъ, срывалъ новый и снова чинилъ. Случилось, что онъ приложилъ къ губамъ очиненный камышъ и сталъ дуть. Камышъ тихо свистнулъ.

Внезапно шаловливая мысль родилась въ его головѣ... Улыбнулся самъ себѣ и, взявъ камышъ, пошелъ, засѣлъ въ кустарникѣ.

И, пока Лакмэ, ничего не подозрѣвая, продолжала пѣть на берегу ручья, Гаянти сталъ насвистывать на камышѣ, подражая ея пѣснѣ. Вначалѣ свистъ получался съ трудомъ, былъ грубымъ, но вскорѣ юноша такъ наловчился, что обманъ удался. Тогда онъ сталъ смѣлѣе и громче повторять безсознательную пѣснь и переливы Лакмэ.

— Гаянти!—придя въ себя, внезапно окликнула дѣвушка,—кто это меня передразниваетъ?

— Не знаю,—сказалъ Гаянти, выходя изъ-за кустовъ и еле сдерживая шаловливую улыбку.

Но Лакмэ, увидя камышъ въ его рукахъ, сразу же догадалась.

— Ахъ ты, шалунишка, опять что-то придумалъ, здорово меня передразнивалъ!.. Но ужъ больше не смѣй!

Но Гаянти не оставилъ своихъ шутокъ. Такъ много игралъ, такъ много подражалъ то одному, то другому, что и самъ сталъ хорошо играть, да и инструментъ усовершенствовалъ. Онъ игралъ и веселилъ всѣхъ.

Былъ еще и другой юноша—Наль, печальный всегда, который любилъ Лакмэ. Печально, не питая надеждъ, глядѣлъ онъ на нее, и лицо его мѣднаго цвѣта было блѣдно, какъ заходящій мѣсяцъ.

Лакмэ знала объ его любви, но, эхъ, она была счастлива и не думала о немъ. Говорили, что не въ своемъ умѣ былъ этотъ юноша, потому что одинъ бродилъ по лѣсамъ, развѣшивалъ по вѣткамъ деревьевъ телячьи кишки, сушилъ и свивалъ ихъ. Смѣясь говорили, что и онъ дѣлаетъ какой-то инструментъ...

И вотъ, какъ-то разъ Гаянти и Лакмэ отдыхали съ другими юношами въ лѣсу подъ деревьями. Пѣли и веселились юноши на весенней муравѣ, и ихъ смѣхъ журчалъ, какъ ручей въ лѣсной тишинѣ.

Тамъ же былъ и старый поэтъ Халдунъ; онъ пришелъ къ молодежи и веселилъ ее своими розсказнями, да и самъ веселился, слыша ея беззаботный смѣхъ.

Тамъ же былъ и Наль, который, сидя вдалекѣ на травѣ, безъ улыбки, печально глядѣлъ на другихъ юношей.

— Гаянти,—сказалъ поэтъ Халдунъ,—сыграй что-нибудь, мы послушаемъ. Вотъ и Наль, говорятъ, умѣетъ играть, и онъ, вѣрно, сыграетъ что-нибудь, а мы повеселимся. Ну, покажите-ка себя, молодцы!

— Да, да, сыграйте, сыграйте!—подхватили всѣ юноши и развеселились.

— Сыграйте,—пошутилъ одинъ изъ шалуновъ,—и тотъ, кто побѣдитъ, пусть удостоится любви Лакмэ.

Всѣ засмѣялись. Улыбнулась и свѣтлозарая Лакмэ. И обрадовалась, что Гаянти долженъ показать свой даръ. Улыбнулся и Гаянти, но насмѣшливо и самонадѣянно и украдкой взглянулъ на Наля, что сидѣлъ неподвижно со своимъ смѣшнымъ инструментомъ подъ мышкой.

И, чтобы показать, что онъ ничуть не робѣетъ, Гаянти заявилъ, что первымъ будетъ играть онъ; „сыграю, пусть языки прикусятъ",—подумалъ онъ, сознавая свою силу.

На пышныхъ цвѣтахъ возлежала Лакмэ среди юношей, точно снѣжноблещущая луна, что смотритъ среди кипарисовъ.

Всѣ невольно взглянули на ея озарившееся лицо и погрузились въ мечты.

Улыбнулся прекрасный Гаянти, и вмѣстѣ съ улыбкой засіялъ рядъ его бѣлоснѣжныхъ зубовъ.

Улыбнулась и прекрасная Лакмэ, и на ея опущенныхъ черныхъ рѣсницахъ повисла еле замѣтная прелестная улыбка.

И Гаянти, приложивъ свирѣль къ губамъ—лепесткамъ розы, сталъ играть.

Вырвалась пѣснь и пролетѣла, и зашуршала и просвистала, какъ вѣтерокъ въ безмолвной долинѣ. И обильно посыпался свистъ, словно жемчужный рядъ звенящихъ капель ручья падалъ съ камня на камень въ неомраченной лѣсной тишинѣ. И какъ кристаллъ былъ чистъ этотъ свистъ, и какъ серебро онъ былъ звученъ, обильный, изумляющій, ласкающій и пьянящій.

И что за разнообразіе переливовъ!.. Что за очарованіе!.. Словно соловьи и скворцы перекликались въ счастливомъ маѣ.

И что за веселое передразниваніе двухъ счастливцевъ—пѣвцовъ, которые, казалось, порхали, заигрывая другъ съ другомъ, среди цвѣтовъ, между тѣмъ, какъ любящая и любимая дѣвушка заливалась смѣхомъ въ счастливомъ забытьѣ.

И защебеталъ и защелкалъ напѣвъ, быстрый, какъ отблескъ воды на поверхности озера, и послѣднимъ созвучьемъ поразилъ слушателей, взвился, какъ стрѣла, и оборвался.

— Молодецъ, Гаянти, молодецъ! — восторженно воскликнули всѣ.

— Молодецъ, Гаянти!—сказала Лакмэ, будучи не въ силахъ скрыть свой восторгъ, и ласкающимъ окомъ взглянула на поблѣднѣвшаго прекраснаго юношу.

— Что за ловкіе переливы, словно не человѣкъ играетъ,—сказалъ кто-то, увлеченный.

— Гм... искусная игра,—сказалъ поэтъ Халдунъ.

— Молодецъ, Гаянти, молодецъ! — повторили всѣ въ одинъ голосъ и, сорвавъ цвѣты, осыпали его ими.

Наль молчалъ... неподвижный, какъ безмолвная и мрачная статуя въ ночи. Нахмуривъ брови, со сдержаннымъ волненіемъ въ глазахъ, больной своимъ таинственнымъ искусствомъ, смотрѣлъ онъ наземь, продолжая сжимать подъ мышкой свой странный инструментъ.

Очередь была за нимъ.

— Эхъ, а теперь пусть-ка Наль поиграетъ,—приказалъ старый поэтъ.

И пока Наль готовился,—шопотъ пробѣжалъ между всѣми при видѣ смѣшного инструмента цвѣта земли.

— «Полоникъ»!—шепнулъ кто-то и чуть-было не фыркнулъ.

— Настоящая лопата: ею бы колотить человѣка въ спину!—сказалъ другой.

— Постойте, можетъ, онъ хочетъ трепать шерсть этимъ лукомъ!?—язвилъ третій.

Улыбнулся даже Гаянти, и зла была эта улыбка. Только Лакмэ ничего не сказала. Когда посмотрѣла она Налю въ глаза,—почувствовала, что въ этомъ юношѣ скрывается мрачная и скорбная душа, и какой-то неясный страхъ закрался въ ея сердце.

Взглянулъ на него старый поэтъ и слегка покачалъ головой.

А онъ, этотъ таинственный Наль, внезапно огляделся вокругъ; лицо его преобразилось, было рѣшительно и вдохновенно. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и измѣнился въ лицѣ; всѣ притихли и затаили дыханіе. И онъ съ инструментомъ на колѣняхъ, и самъ наклонившись надъ нимъ, какъ поникшая къ землѣ плакучая ива, внезапно повелъ своей худой, жилистой рукой смычкомъ по струнамъ и... началъ...

Странный звукъ издалъ этотъ инструментъ, точно голосъ печальнаго, скорбящаго человѣка. Какъ человѣкъ, у котораго накопилось на сердцѣ и который еле сдерживаетъ рыданіе, такъ и этотъ сдавленный звукъ сталъ медленно и грустно дро-

жать и, постепенно наполняясь, дѣлаться крѣпче, протяжнѣе... Вотъ, жалобнымъ тономъ что-то спросилъ, но сейчасъ же, сдержавъ всхлипываніе, обомлѣлъ и притихъ.

Потомъ, ему въ отвѣтъ, другой голосъ, болѣе крѣпкій и звучный, сталъ въ одинокой тоскѣ разсказывать и оживлять какую-то печальную исторію,— такую печальную; словно то была повѣсть о страждущемъ человѣчествѣ. Онъ сталъ такъ всхлипывать, такъ горько-горько плакать, что наполнилъ стволы деревьевъ грустью, опечалилъ цвѣты, остудилъ свѣтъ солнца, распростеръ до горизонта безконечную тоску пустынь и весь міръ сдѣлалъ скорбной-скорбной долиной горя. Строгъ былъ этотъ напѣвъ, какъ смерть, и непритворенъ, какъ сердце, спрятанное въ груди человѣка.

Онъ лился изъ сердца,—вотъ почему такъ захватилъ и увлекъ всѣ сердца. Правдива была эта пѣснь,—вотъ почему всѣ въ тоскѣ понурили головы и такъ, поникнувъ къ землѣ, стали думать о томъ великомъ страданіи, про которое знаетъ каждый, что оно существуетъ, что оно справедливо, есть всюду, для всѣхъ.

И такъ протянулся напѣвъ, сталъ горячѣе. И какъ съ безнадежныхъ краевъ пустыни, какъ изъ могилы взойдетъ вдругъ блѣдная луна и взглянетъ на пустыню своимъ мертвеннымъ лицомъ, такъ вдругъ вынырнулъ грустный голосъ четвертой струны и запѣлъ, медленно, полнымъ голосомъ и властно. А когда вмѣшалась и третья струна,— послышались такія завыванія, какъ-будто эту безжизненную пустыню наполняли сухіе терніи, что, словно старческія руки, простертыя въ воздухѣ, молили о милосердіи... Но милосердія не было... Внезапно напѣвъ разъярился, перешелъ на тонкія струны, сталъ вздыхать и жалобно вопить, казалось, задули знойные вѣтры, развѣвая тѣ терніи, что правили тризну въ безумномъ танцѣ. А иногда слышались такіе крики и плачъ, точно отчаявшееся одиночество сидѣло на пескѣ и рвало сѣдые волосы на своей головѣ.

Такъ пѣлъ, пѣлъ, а потомъ, смягчившись, примирился, удалился и, въ горестной тоскѣ обомлѣвъ, смолкъ... словно вновь сошелъ въ могилу.

Ни улыбки, ни смѣха. Слушатели застыли. Всѣ, потрясенные этой глубокой игрой, подняли мрачные взоры на Гаянти и Лакмэ.

Вотъ это игра!

Опустилъ внизъ побѣжденный Гаянти свою свирѣль и съ болью направилъ на Лакмэ свой ревнивый взоръ.

Омрачилась Лакмэ. Но этотъ мракъ былъ похожъ на легкое облако, которое находитъ и заволакиваетъ прекрасное майское небо. Правда, ея глаза, со взглядомъ лани, завидѣвшей охотника, наполнились страхомъ, но она, поднявъ свои сверкающіе глаза на Гаянти, сказала, точно разгнѣвавшись:

— Идемъ домой, Гаянти!

Юноши взглянули на Лакмэ съ вопросомъ и не поняли ея безпокойства. И пока всѣ въ замѣшательствѣ смотрѣли на нее, она встала и удалилась вмѣстѣ съ Гаянти.

Когда они отдалились немного, она шепнула:

— Я тебя люблю, Гаянти, тебя,—онъ такой печальный... онъ пугаетъ меня своимъ инструментомъ. Его игра змѣей заползла мнѣ въ сердце и свернулась тамъ. Пойдемъ, поиграй на твоей свирѣли и развесели меня!

Она ушла, и остался Наль, словно могильный камень, устремивъ взоръ на удалявшуюся безсердечную и прекрасную Лакмэ и сжимая свой инструментъ дрожащей рукой.

Остались слушавшіе и старый поэтъ Халдунъ.

— Молодецъ, Наль! — сказали они такимъ тономъ, какимъ утѣшаютъ близкихъ покойника.

Опечалился Наль и поникъ головой. Вдругъ поднялъ свой инструментъ и хотѣлъ ударить о камень и разбить, но, лишь потрясши имъ съ горечью въ воздухѣ, положилъ его наземь и, закрывъ лицо руками, умолкъ.

Взглянулъ на него старый поэтъ, улыбнулся ласковыми глазами и сказалъ, медленно качая сѣдой головой:

— Зачѣмъ хочешь разбить этотъ инструментъ, что родился съ тобой и долженъ съ тобой умереть? Наль, ты изъ тѣхъ людей, что для большихъ страданій приходятъ въ міръ, и твоя игра была пѣснью того великаго художника, чьимъ вдохновителемъ была смерть, что плакалъ, творя. Онъ уже открылъ двери всѣхъ радостей и горестей міра и заглянулъ внутрь. Наль, истинное искусство принадлежитъ тебѣ, и нѣтъ больше инструмента, который еще нужно придумать! Что свирѣль передъ твоимъ инструментомъ—забава слуха и больше ничего?!.

Иди, съ этихъ поръ тебѣ принадлежатъ безумные порывы вѣтра, пляска вьюги, справляющей тризну, вопли отчаянія и вздохи божественныя души...

Иди, несчастный въ жизни и счастливый въ искусствѣ Наль, иди, носи корону, драгоцѣннѣйшую изъ коронъ, и пусть рабы и властители міра преклонятъ главу свою передъ твоимъ искусствомъ!

И... страдай! Да, Лакмэ любитъ свирѣльщика, который дастъ ей самое скромное изъ скромнаго, но для людей самое дорогое изъ дорогого — это жизнь и ея радость. Она не любитъ тебя, да и за что можетъ любить? Ты погубишь жизнь этой бабочки твоимъ невыразимымъ страданіемъ, всегда заставляя слушать осенніе стоны и голосъ смерти... Да и что же, вѣдь и ты не можешь любить ее, скорбная душа, ибо кто любитъ твое искусство, не долженъ ужъ больше ничего любить, да и стоитъ ли, да и сможетъ ли любить иное?!

Нѣтъ, иди, живи одинъ, Наль! Всѣ великія творенія были зачаты въ одиночествѣ и въ одиночествѣ же изъ хаоса родились на свѣтъ. И не въ одиночествѣ ли Богъ, художникъ изъ художниковъ, создалъ самую великую изъ своихъ поэмъ—этотъ міръ...

Съ того дня Гаянти еще счастливѣе засвисталъ на своей свирѣли, а Наль пошелъ рыдать и творить въ мрачные міры страданій.

Съ того дня, говорятъ, насвистываетъ свирѣль, какъ счастливый въ любви юноша, тогда какъ скрипка всегда хранитъ въ своемъ звукѣ невыразимую печаль.

Дереникъ Демирчіанъ.

Перев. съ армянскаго Србуи Лисиціанъ.

Ованнесу Туманьяну*).

Тебѣ, Ованнесъ Туманьянъ,
Напѣвный даръ отъ Бога данъ,
И ты не только средь армянъ
Лучистой славой осіянъ,
Но свой нарядный талисманъ
Забросилъ въ дали русскихъ странъ,
И не введя себя въ изъянъ,
Не потерявъ восточный санъ,
Ты сталъ средь насъ родной Иванъ,
Поешь,—я пѣсней обуянъ,
Тобою стихъ мой, видишь, пьянъ,
Возьмемъ мы пѣсней вражій станъ,
Любую риѳму—на арканъ,
И, если кличетъ черный вранъ,
Споемъ: несчастіе—обманъ,
У насъ напѣвовъ—полный жбанъ,
Его качнемъ мы,—и туманъ
Внезапно будетъ златотканъ,
Живи же, свѣтлый Туманьянъ!

К. Бальмонтъ.

„Кав. Кр.".

***

Мнѣ говорятъ, что солнцемъ свободы моя озарилась отчизна
И что навстрѣчу свободѣ должна зазвучать пѣснь поэта,
Послушная рабски велѣньямъ тупымъ трафарета!
Но муза молчитъ: вдохновенье поэта капризно...

Оно говоритъ, что позорно кричать съ крикунами,
Свой голосъ смѣшавъ съ голосами толпы многогласной.
Теперь, когда лучшіе сны перестали быть снами,
Пусть свободный народъ говоритъ, а пѣсни поэта—напрасны!

Мы призваны пѣть, когда толпы молчатъ боязливо,
И право на пѣсни цѣной нашихъ мукъ покупать.
Мы поемъ, чтобы звать и будить! А когда совершилося диво
И проснулся народъ, наше дѣло—молчать!

Маріамъ Тазэ.

ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЙ.

На турецкихъ фронтахъ.

Въ предыдущемъ обзорѣ мы упомянули о дѣйствіяхъ нашего десантнаго отряда въ турецкомъ г. Орду, лежащемъ на анатолійскомъ побережьѣ, къ западу отъ Керасунда.

Въ настоящее время имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ этого отряда, съ указаніемъ причинъ, вызвавшихъ съ нашей стороны набѣгъ на г. Орду.

Дѣло въ томъ, что военныя власти получили самыя опредѣленныя данныя о нахожденіи тамъ большихъ интендантскихъ складовъ снаряженья и продовольствія турецкой арміи.

Сильный отрядъ нашихъ судовъ въ 10 часовъ утра 11 августа подошелъ къ городу и открылъ артиллерійскій огонь по турецкимъ войскамъ, находившимся въ восточной части города, а вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ нашихъ транспортовъ, приблизившись къ берегу, приступилъ къ высадкѣ десантныхъ войскъ.

Въ это время изъ оконъ лазарета «Краснаго Полумѣсяца», находившагося на набережной, былъ открытъ ружейный огонь засѣвшими тамъ турецкими войсками.

Переведя огонь судовой артиллеріи на лазаретъ, моряки быстро разрушили его.

Высадившійся на берегъ десантный отрядъ былъ также обстрѣлянъ и изъ другихъ зданій, находящихся на набережной, благодаря чему нашей пѣхотѣ пришлось брать каждое изъ нихъ приступомъ.

Вскорѣ на улицахъ Орду закипѣлъ бой, результатомъ котораго былъ отходъ турецкихъ войскъ въ западную часть города, что дало возможность нашимъ приступить къ уничтоженію интендантскихъ складовъ.

Часть пѣхотныхъ солдатъ, обнаруживъ въ городѣ большіе запасы спиртныхъ напитковъ, перепилась, а затѣмъ, разсыпавшись по городу, начала грабить мирное населеніе, не останавливаясь передъ насиліемъ. Многіе дома были подожжены.

Греки, составлявшіе часть населенія г. Орду, въ числѣ 800 человѣкъ, просили моряковъ взять ихъ съ собой въ Россію. Просьба ихъ была исполнена.

Вечеромъ войска десантнаго отряда покинули городъ и возвратились на суда.

Моряки не принимали никакого участія въ грабежахъ, чинимыхъ пѣхотою.

По рѣшенію судовыхъ комитетовъ все награбленное имущество было передано грекамъ.

Кромѣ набѣга на Орду, суда нашего флота произвели 18 августа новый набѣгъ на анатолійское побережье, при чемъ въ районѣ Вока потопили

---

*) Это стихотвореніе поэтъ К. Бальмонтъ написалъ экспромтомъ и посвятилъ его популярному армянскому поэту Ов. Туманьяну. Свое произведеніе К. Бальмонтъ прочелъ лично въ Пятигорскѣ на армянскомъ вечерѣ, въ четвергъ, 3 августа, въ присутствіи Ов. Туманьяна.

пять парусныхъ шхунъ съ провіантомъ и громадный бригъ съ грузомъ табаку.

Побережье было обстрѣляно артиллерійскимъ огнемъ, которымъ были уничтожены побережный кордонъ и жандармскій постъ.

Посланная на берегъ шлюпка съ десантнымъ отрядомъ была обстрѣляна турецкими войсками. Изъ числа бывшихъ въ ней моряковъ ранено два гардемарина.

На армянскомъ, персидскомъ и месопотамскомъ фронтахъ до 25 августа шла лишь перестрѣлка и поиски развѣдывательныхъ партій.

Свѣдѣнія о безчинствахъ, грабежахъ и насиліяхъ надъ мирнымъ населеніемъ Персіи со стороны нашихъ солдатъ, сообщенныя нами въ предыдущихъ обзорахъ, подтверждаются.

Вслѣдствіе указаній нашего посланника въ Тегеранѣ по поводу поведенія солдатъ, верховный главнокомандующій генералъ Корниловъ послалъ главнокомандующему кавказской арміи телеграмму съ приказаніемъ принять рѣшительныя мѣры противъ преступныхъ выступленій войскъ по отношенію къ мирному населенію и примѣнять противъ преступниковъ военно-революціонные суды.

Весьма грустныя свѣдѣнія получены съ армянскаго театра войны, гдѣ перебѣжчики-плѣнные районовъ Битлиса и Муша разсказываютъ о новомъ звѣрствѣ, проявленномъ турками надъ армянами.

Въ г. Діарбекирѣ турецкія власти держали подъ строгимъ надзоромъ около двухсотъ армянъ ремесленниковъ.

Въ первыхъ числахъ августа, по приказанію высшихъ властей, всѣ армяне были выведены за городъ и вырѣзаны.

Итакъ, систематическое истребленіе турками армянскаго населенія продолжается.

По сообщеніямъ тифлисскаго корреспондента «Утра Россіи», армянское населеніе явилось объектомъ дѣйствій курдовъ даже и въ районѣ Баязета.

Произведя набѣгъ на баязетскихъ армянъ, курды отбили у нихъ и угнали гуртъ скота въ 300 головъ.

Армяне, бросившись отбивать свой скотъ, завязали съ курдами перестрѣлку у станціи Баязетъ.

Извѣщенныя о появленіи курдовъ, наши войска бросились на помощь армянамъ.

Обойденные съ двухъ сторонъ курды стали отступать въ горы, при чемъ при преслѣдованіи нѣсколько человѣкъ изъ нихъ было убито.

Сопротивленіе курдовъ было отчаянное.

Разстрѣливаемые съ двухъ сторонъ, они упорно дрались до послѣдняго патрона, а часть ихъ даже приняла штыковую атаку.

Наступившая темнота прекратила бой, возобновившійся на слѣдующій день, при чемъ положеніе дѣлъ сложилось настолько серьезно, что для борьбы съ курдами была потребована даже артиллерія.

Свѣдѣній о результатахъ стычки получено не было.

Послѣ долгаго затишья въ Сиріи, гдѣ, какъ извѣстно, англичане вступили въ южную часть Палестины, получено офиціальное сообщеніе британской главной квартиры (отъ 19 августа) о томъ, что союзники наши продвинулись къ юго-западу отъ Газы на 800 ярдовъ, при чемъ потери ихъ были незначительны.

Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что серьезныя неудачи наши подъ Ригой, гдѣ войска одной изъ нашихъ армій, сдавъ почти безъ всякаго сопротивленія великолѣпно укрѣпленный рижской районъ, отступили въ сѣверномъ и восточномъ направленіи, въ значительной степени подняли духъ германцевъ и, надо полагать, эта побѣда ихъ отразится въ моральномъ отношеніи и на арміяхъ ихъ союзниковъ, въ томъ числѣ и турокъ.

Къ тому же и командированіе на месопотамскій театръ военныхъ дѣйствій популярнаго германскаго фельдмаршала Фалькенгайна, бывшаго начальника германскаго генеральнаго штаба, указываетъ на то, что нѣмцы твердо рѣшили добиться побѣдъ въ борьбѣ съ нами и нашими союзниками на азіатскихъ фронтахъ.

П. Бурскій.

Мигранъ Баграмянцъ.

2 мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали о кончинѣ всѣми любимаго товарища Миграна Баграмянца.

Въ первое время я былъ ошеломленъ и не сразу понялъ ту тяжелую потерю, которую понесъ 6 армянскій полкъ въ лицѣ покойнаго. Потомъ, съ ужасомъ въ сознаніи, пришлось примириться съ мыслью, что его нѣтъ... Рано поторопилась смерть протянуть свои костлявыя руки и придушить въ холодныхъ объятьяхъ эту молодую прекрасную жизнь...

Покойный Мигранъ былъ слишкомъ дѣятельный, добрый до самозабвенья и искренній человѣкъ. Рѣдкой любовью онъ пользовался между офицерами и солдатами. Солдаты знали Миграна по его искреннимъ и задушевнымъ рѣчамъ. Случалось ли какое недоразумѣніе, несчастье онъ разъяснилъ это имъ съ такою жалостью и трогательностью, что нерѣдко по лицамъ загорѣлыхъ мужественныхъ солдатъ катились слезы. Въ (батальонѣ) полку онъ занималъ должность казначея. Какъ зимою 1916 года въ метель и вьюгу въ тяжелые тогда для батальона дни, такъ и въ послѣдующіе дни тяжелыхъ, но славныхъ боевъ, онъ всегда бывалъ на передовой линіи, хотя имѣлъ полное право и съ спокойной совѣстью сидѣть въ обозѣ 2-го разряда въ сравнительно теплой съ окопами землянкѣ. Всѣ переживанія батальона онъ записывалъ на бѣлыхъ листикахъ и отсылалъ ихъ въ редакціи „Армянскаго Вѣстника" газеты „Аревъ" и „Оризонъ". Онъ всюду и во всемъ находилъ неисчерпаемыя темы для корреспонденціи. Въ бытность въ дружинѣ Керри онъ не мало писалъ о ней и о ея славномъ начальникѣ. Однажды разговорившись со мной онъ разсказалъ нѣсколько характерныхъ чертъ изъ жизни Керри, а въ доказательство своей любви къ нему онъ взялъ со стола исписанную мелкимъ почеркомъ книгу листовъ съ цѣлую тетрадь и, указывая на нее, сказалъ: „Вотъ какъ я люблю Керри!". Покойный Мигранъ въ послѣдней корреспонденціи писалъ о жалкомъ состояніи санитарныхъ учрежденій въ Персіи, о томъ, что на протяженіи 150 верстъ

раненому и больному солдату ни нравственно ни физически негдѣ передохнуть отъ перенесенныхъ на позиціи мученій. Впослѣдствіи больному Миграну пришлось перенести на себѣ всю тяжесть санитарнаго неустройства, и это можетъ-быть, еще быстрѣе приблизило его къ концу. За нѣсколько дней до его смерти я встрѣтилъ его на пунктѣ Эрменъ-Булагъ.

Въ темной, сырой, съ сквозными отверстіями, наподобіе окна, комнатѣ, на носилочной кровати лежалъ Мигранъ. Я смотрѣлъ на худое пожелтѣвшее лицо больного, долго не замѣчавшаго моего присутствія. Наконецъ, онъ открылъ глаза и, какъ бы удивившись, посмотрѣлъ на меня. На вопросъ о здоровьѣ онъ отвѣтилъ: „Плохо... я умираю...". Тяжело и мучительно было думать, что умирающему человѣку некому помочь, кромѣ мало знающаго санитара-фельдшера.

Оставаться на пунктѣ для больного было тяжело и опасно.

Рано утромъ на другой день не передохнувшаго и измученнаго дорогой больного повезли дальше, до Каравэрана, гдѣ былъ врачъ. А черезъ недѣлю пришло извѣстіе о его смерти. Знакомый врачъ говорилъ, что у него слабое сердце и передвиженій онъ можетъ не выдержать. Единственнымъ же спасеніемъ было скорѣе доѣхать до Джульфы, и его спѣшно перевозили по плохимъ дорогамъ съ пункта на пунктъ.

Слова врача оправдались, и сердце Миграна перестало биться.... Жаркій сухой климатъ Персіи, породившій болѣзнь и способствовавшій ходу ея, санитарное неустройство и еще одна причина доканали его: это—горе человѣка онъ слишкомъ близко принималъ къ своему сердцу. Онъ „на каждый тяжкій вздохъ чужой своимъ же вздохомъ отзывался...", онъ страдалъ и кручинился, а причинъ кругомъ было много.

Не оттого ли у него было „слабое сердце"?

Миръ праху, дорогой Мигранъ! Свѣтлый образъ и добрыя дѣла твои не исчезнуть изъ памяти знавшихъ тебя...

Позиція. **О. Хечо.**

Поручикъ Абгаръ Теръ-Абрамянъ, литературный псевдонимъ—Абгаръ Пайазатъ, былъ редакторомъ и издателемъ въ 1907 году газеты „Апага" (Будущность), за газетную статью былъ судимъ и отбылъ годъ крѣпости, послѣ которой отбывалъ административную ссылку. Въ настоящей войнѣ получилъ три боевыхъ ордена и представленъ къ ордену св. Георгія 4 степени за храбрость. Первый разъ былъ контуженъ въ голову и остался въ строю, во второй разъ, раненый въ ногу, по выздоровленіи вернулся въ строй. Въ настоящее время за отличія представленъ къ чину штабсъ-капитана.

Обзоръ печати.

Армянская пресса.

Изъ жизни бѣженцевъ.

Затрогивая въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ вопросъ о возвращеніи бѣженцевъ на родину, газета *«Арева»* намѣчаетъ мѣры, необходимыя для того, чтобы возвращеніе бѣженцевъ въ Арменію на этотъ разъ не кончилось такъ же печально, какъ въ прошломъ году, при старомъ режимѣ:

„Если желательно,—говоритъ газета,—чтобы разоренная Арменія была возстановлена, чтобы армянскій народъ могъ тамъ приступить къ мирному труду,—въ первую голову необходимо удалить съ военныхъ постовъ курдофиловъ, разоружить и предать суду курдскихъ беговъ, стоящихъ во главѣ разбойничьихъ шаекъ, при наименьшемъ даже сопротивленіи предать строгому наказанію курдовъ. Жизнь бѣженцевъ должна быть внѣ всякой опасности. Національныя организаціи должны принять сперва мѣры къ разрѣшенію указаннаго вопроса, потомъ уже приступить къ организаціи иммиграціи.

Чтобы не создавать при иммиграціи разнаго рода осложненій, иммигранты должны стремиться къ мирному сожительству съ трудящейся частью курдовъ; имъ слѣдуетъ относиться къ нимъ терпимо и со сдержанностью, достойной высокой культуры; чтобы избѣгнуть старыхъ ошибокъ, надо, чтобы дѣло иммиграціи не носило случайнаго характера, чтобы оно было какъ слѣдуетъ организовано. Самое важное—это продовольственный вопросъ. Надо немедленно снабдить провіантомъ тѣ главные пункты, по которымъ будутъ направляться на родину бѣженцы. Было бы цѣлесообразно возвращаться на родину пока мужчинамъ, дабы они могли тамъ подготовить все, устроиться и потомъ вернуться за своими семьями. Помимо дорогъ, надо обезпечить въ продовольственномъ отношеніи и страну, т. к. едва ли жизненные продукты страны окажутся достаточными для всѣхъ.

Не слѣдуетъ думать, что иммиграція не приметъ широкихъ размѣровъ. Серіозное намѣреніе правительства и прекращеніе выдачи бѣженцамъ пособія безусловно усилятъ иммиграцію. Не надо упускать изъ виду этого. Необходимо выявить дружную организованную работу.

Къ введенію земства на Кавказѣ.

Въ связи съ проектомъ закавказскаго земства, выработаннымъ въ Петроградѣ земскимъ совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ Веселовскаго,—

вопросъ о земствѣ на Кавказѣ вновь поднятъ въ армянской печати.

Обѣщая въ будущемъ вернуться къ детальному обсужденію упомянутаго проекта, газета „Пайкаръ" останавливается пока на выясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ земству.

Какъ извѣстно—говоритъ названный органъ арм. соц.-дем. меньшевиковъ—въ связи съ земскимъ вопросомъ всегда выдвигался вопросъ объ измѣненіи административныхъ границъ въ Закавказьѣ, какъ о предпосылкѣ введенія самаго земства.

Что существующее административное дѣленіе совершенно неудовлетворительно, что оно во многихъ мѣстахъ имѣетъ случайный характеръ и не соотвѣтствуетъ экономическимъ и этнографическимъ потребностямъ кавказскихъ народовъ—объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній, и кавказская демократія должна рѣшить данный вопросъ въ положительномъ смыслѣ, не увлекаясь, разумѣется, націоналистическимъ романтизмомъ и не придавая значеніе лишь племенному и этнографическому элементу, а наоборотъ, она должна имѣть въ виду прежде всего хозяйственныя потребности кавказскихъ народностей и только потомъ, если эти потребности позволяютъ, принять во вниманіе и этнографическій моментъ.

Затронутый вопросъ, по мнѣнію цитируемаго органа, долженъ быть разрѣшенъ по взаимному соглашенію всѣхъ народностей Кавказа и подъ руководствомъ мѣстной демократіи, такъ какъ въ силу общекавказскаго значенія вопроса въ немъ заинтересованы всѣ эти народности.

Сепаратное, обособленное выступленіе въ области этого вопроса можетъ имѣть гибельныя послѣдствія, подать поводъ къ провокаціи и оказаться крупнымъ зломъ.

„Вопросъ объ измѣненіи административныхъ границъ не есть чисто армянскій вопросъ, онъ имѣетъ общее значеніе и долженъ предстать передъ всѣми въ видѣ проекта всекавказской демократіи; и когда за его разрѣшеніе возьмется демократія, она сумѣетъ провести его въ жизнь безъ потрясеній и эксцессовъ, тогда мѣстные реакціонные элементы въ своемъ желаніи оказать препятствіе необходимымъ преобразованіямъ нашего края могли бы натолкнуться на твердую волю междунаціональной демократіи, тогда они имѣли бы дѣло не съ однимъ лишь армянскимъ народомъ, который одинъ, отдѣльно отъ сосѣдей, едва ли окажется въ состояніи осуществить перекройку административныхъ округовъ Закавказья.

Нѣсколько ниже газета продолжаетъ:

Данный вопросъ, во-первыхъ, найдетъ сильную оппозицію въ руководящихъ кругахъ мусульманскаго общества и, во-вторыхъ, встрѣтитъ касательно того или другого проекта серьезныя возраженія со стороны демократическихъ слоевъ армянскаго общества.

Демократическая часть армянъ и вся вообще кавказская демократія съ соціалъ-демократической партіей во главѣ, разумѣется, не противъ необходимыхъ измѣненій въ административномъ дѣленіи Закавказья, но это измѣненіе должно быть выполнено въ такой формѣ чтобы никто не пострадалъ, чтобы интересы демократическихъ элементовъ всѣхъ живущихъ на Кавказѣ народностей были приняты во вниманіе, чтобы экономическія нужды народовъ не были принесены въ жертву политическому романтизму.

Взявъ на себя все дѣло введенія земства, а слѣдовательно и перекройку административныхъ округовъ вся кавказская демократія

Должна первымъ долгомъ произвести, устранивъ всѣ помѣхи, измѣненіе административнаго дѣленія въ мѣстахъ, гдѣ оно необходимо въ силу экономическаго развитія демократіи и техническихъ условій мѣстности. Далѣе, она должна организовать одну или нѣсколько комиссій изъ представителей заинтересованныхъ сторонъ и нейтральныхъ круговъ для опредѣленія на мѣстахъ предѣловъ будущихъ административныхъ единицъ, для изученія необходимыхъ условій экономическаго развитія и для ознакомленія съ мнѣніемъ мѣстнаго общества.

Всѣ существующіе и предлагаемые той или иной группой или партіей проекты должны, разумѣется, опубликовываться и подвергаться обсужденію.

Это—наиболѣе правильный путь, который надлежитъ избрать кавказской демократіи; если же разрѣшеніе вопросе будетъ предоставлено той или другой національной или партійной группировкѣ, то возможны крупныя осложненія, которыя могутъ плохо отразиться на кавказской демократіи и быть опасными съ точки зрѣнія успѣшности освободительнаго движенія.

Русская пресса.

Въ „Кавказѣ" читаемъ слѣдующее сообщеніе съ фронта:

На ванскомъ направленіи, въ районѣ конечной станціи Макинской желѣзной дороги Сафализъ, и, главнымъ образомъ, по дорогѣ отъ Сафализа до пункта Суукъ-Су, на протяженіи восемнадцати верстъ горной дороги, происходятъ частыя за послѣднее время нападенія курдскихъ разбойниковъ.

Послѣднія два нападенія, бывшія на-дняхъ, особенно дерзки и сопровождались жертвами.

Въ серединѣ августа по дорогѣ къ Вану отошелъ изъ Сафализа транспортъ, сопровождаемый казаками. Возлѣ Суукъ-Су изъ-за поворота посыпался градъ пуль. Стрѣляли изъ естественныхъ укрытій вдоль дороги.

Нападеніе было столь неожиданно, что казаки и опомниться не успѣли, какъ шестеро изъ нихъ были убиты наповалъ и шестеро ранены. Изъ раненыхъ, доставленныхъ въ земскій лазаретъ при станціи Сафализъ, трое умерли.

У казаковъ убито восемь лошадей и шестнадцать угнано разбойниками.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого нападенія я проѣзжалъ по этой дорогѣ. По словамъ казака, моего возницы, разбойничаютъ турецкіе курды. Недалеко есть нѣсколько курдскихъ селеній, оттуда, предполагается, и дѣлаютъ свои набѣги курды. Незадолго до этого нападенія къ коменданту пункта Сафализъ явился будто бы персидскій помѣщикъ, владѣнія котораго по сосѣдству, и предупреждалъ, что у него есть свѣдѣнія о готовящемся нападеніи курдовъ на Сафализъ. Послѣ этого на дорогу была выслана охрана, но, повидимому, малочисленная, неспособная услѣдить за всей дорогой. Я видѣлъ этихъ солдатъ по дорогѣ, стоящихъ кое-гдѣ на возвышенныхъ мѣстахъ съ биноклями. Ихъ слишкомъ мало. Посланы, говорятъ, развѣдчики въ окрестности и къ селеніямъ курдовъ, куда будутъ, кажется, посланы карательные отряды, и ужъ, конечно, окажутся невинновыя жертвы.

Исторія съ курдами очень неясна: говорятъ, напримѣръ, что среди нихъ есть свои-же дезертиры. Затѣмъ: какіе это курды,—персидскіе или турецкіе?

26-го августа я возвратился по той же дорогѣ въ Сафализъ. Видѣлъ рѣдко разставленную охрану. Около полудня я былъ въ Сафализѣ, а часъ спустя привозятъ съ той же дороги солдата съ огнестрѣльной раной въ шею на вылетъ. Опять курды.

Помчались на дорогу казаки и конные солдаты. И къ вечеру возвратились ни съ чѣмъ. Курды какъ провалились.

Въ то же время не прекращаются слухи о готовящихся новыхъ нападеніяхъ даже на Сафализъ; но и вездѣ у Вана замѣтны курды. Всюду они тревожатъ и всюду неуловимы. Въ горахъ Арарата и у Сапанъ-дага, на Ванѣ ихъ, какъ говорятъ, цѣлыя шайки.

И это въ дѣйствующей арміи.

* * *

Въ той-же газетѣ читаемъ:

Нехорошо ведутъ себя курды: занимаются грабежами и убійствами. Казалось бы, что поведеніе этихъ дикарей должно быть осуждаемо всякимъ здравомыслящимъ

человѣкомъ, однако, есть люди, имѣющіе на это особый взглядъ.

Въ одной мѣстной газетѣ русскому народу навязываютъ еще одного пансіонера—курда; рекомендуютъ давать ему хлѣбъ насущный, признать его русскимъ подданнымъ „и къ нимъ (курдамъ), какъ таковымъ, не должны быть принимаемы экстраординарныя мѣры".

Хорошо сказано! Избави Богъ отъ такихъ подданныхъ, а если бы и завелись такіе „подданные", пожелавшіе вести себя, какъ курды, то какой разговоръ можетъ быть о какихъ-то гуманныхъ мѣрахъ?

Депутатъ-мусульманинъ Джафаровъ, движимый здоровымъ государственнымъ чутьемъ, предлагаетъ признать примѣненіе военныхъ силъ противъ массовыхъ разбоевъ персидскихъ курдовъ въ Эриванской губерніи, а въ глубокомъ тылу находятся защитники и молитвенники курдскіе.

Такимъ „гуманистамъ" надо сказать: „Ни одна культурная нація не будетъ кормить дармоѣдовъ, ни одинъ народъ не будетъ терпѣливо сносить грабежи и убійства"... Курды же и въ XX вѣкѣ остались дикарями, и едва ли кого, даже турокъ, соблазнятъ такіе подданные.

Хроника.

Лекція Маріэтты Шагинянъ.

5-го сентября сего года въ зданіи тифлисской консерваторіи состоялась публичная лекція извѣстной поэтессы Маріэтты Шагинянъ на тему—«Армянскія сказки». Лекція привлекла огромную аудиторію. Лекторша имѣла успѣхъ.

Отрадно отмѣтить, что литературное творчество поэтессы послѣ продолжительной экскурсіи въ чужіе края обернуло, наконецъ, свои лучи in patriam suam и пролило свѣтъ на родную почву.

Маріэтта Шагинянъ уже приступила къ изученію родного языка подъ руководствомъ армениста Хачатряна.

Согласно свойствамъ своего литературнаго таланта, поэтесса избрала лучезарное царство нашихъ сказокъ и миѳовъ, гдѣ наиболѣе дифференцировано армянское народное творчество и гдѣ фантазія армянскаго сказителя возноситъ до апогейной грани сказочный геній армянскаго народа.

— Миѳъ и сказочность.
— Дидактика и мораль.
— Дѣйствительность и фантастика.
— Воздержность и мистицизмъ.
— Загадочность и наивность.

Вотъ стихіи, которыя причудливо переплетаются въ фабулѣ армянской сказки, вотъ канва, на которую наноситъ узоры морализованное воображеніе армянскаго сказочника.

Обширное море армянскихъ сказокъ М. Шагинянъ попыталась излить въ краткосрочномъ 2-часовомъ собесѣдованіи.

И какъ ни трудна задача сама по себѣ—М. Шагинянъ, однако, выполнила ее, хотя и съ нѣкоторыми дефектами.

Многогранная сказочная литература прошла какъ-то узко, однобоко сквозь призму воспріятія лекторши.

Не говоря уже о томъ, что М. Шагинянъ сдѣлала неудачный подходъ къ премудростямъ народной философіи, она не съ надлежащей точки зрѣнія вычвила духъ армянскихъ сказокъ и съ недостаточной яркостью опредѣлила два совершенно самобытныхъ міра—сказокъ кавказскихъ и турецкихъ армянъ.

Тѣмъ не менѣе, надо привѣтствовать благое начинаніе поэтессы въ дѣлѣ ознакомленія русскаго общества съ однимъ изъ пышныхъ чертоговъ царства армянской народной поэзіи.

Цолакъ.

Тифлисъ.

Протоколъ перваго съѣзда совѣщанія деревенскаго единенія.

Сочи. Мая 9-го дня 1917 года изъ членовъ центральнаго органа на съѣздѣ присутствовали 17 душъ, отсутствующихъ же замѣняли кандидаты. Тайной баллотировкой были избраны: предсѣдателемъ—Арамъ Акопіанъ, замѣстителями—Вагаршакъ Минасянъ, Акопъ Кешабянъ; секретарями:—о. Андреасъ Аракелянъ, Акопъ Торлакянъ и Мисакъ Какасянъ; временнымъ казначеемъ—Акопъ Кешабянъ, временнымъ бухгалтеромъ—Акопъ Торлакянъ.

Послѣ обмѣна мыслями на съѣздѣ прошли слѣдующія постановленія:

1. Въ Сочи, Адлерѣ и Поленговорѣ должны быть учреждены исполнительные органы, которые будутъ подчиняться центральному органу.

2. Исполнительные органы въ своей дѣятельности не должны противорѣчить постановленіямъ центральнаго органа.

3. Исполнительные органы обязаны дѣйствовать при содѣйствіи деревенскихъ комитетовъ и свои рѣшенія постановлять по взаимному соглашенію.

4. Исполнительные органы по совѣщаніи съ сельскими органами должны выбирать по одному лицу отъ органовъ въ качествѣ контролера милиціонеровъ; онъ отвѣчаетъ за выданное оружіе.

5. Если милиціонеръ убитъ при исполненіи своей обязанности, то деревенское единеніе (союзъ) обязано въ предѣлахъ возможности оказать его семьѣ матеріальную помощь.

6. Центральный органъ единогласно постановилъ: для округа Сочи пригласить доктора, женщину-врача и акушерку; для адлерскаго округа—женщину-врача и акушерку, а для Пиленговора—врача и акушерку.

7. Рѣшено для исполнительнаго органа Сочи имѣть дѣлопроизводителя, которымъ оказался избраннымъ Акопъ Торлакянъ. Постановлено для пиленговорскаго исполнительнаго органа имѣть дѣлопроизводителя и пропагандиста и обѣ обязанности должно исполнять одно лицо.

8. Постановлено имѣть для округовъ Сочи и Адлера по два пропагандиста.

9. Постановлено при сельскихъ школахъ содержать для учениковъ и взрослыхъ библіотеку-читальню; въ Сочи—же центральную библіотеку.

10. Постановлено имѣть особаго инструктора для кооперація и окружнаго инспектора для школъ.

11. Постановлено имѣть армянскій сельскій народный банкъ, для учрежденія котораго пригласить спеціалиста-организатора. Нормой для членскаго взноса при подпискѣ на банкъ принято сто рублей; подробности будутъ разработаны вмѣстѣ съ спеціалистомъ.

12. Постановлено для юридическихъ вопросовъ имѣть юрисконсульта, который оказывалъ бы юридическую помощь деревенскому люду.

13. Постановлено въ селахъ содержать центральныя школы съ шестилѣтнимъ курсомъ, однако реализація сего постановленія отложена до Учредительнаго Собранія, такъ какъ постройка школъ тѣсно связана съ земельными вопросами и т. д.

14. Центральный органъ предоставилъ окружному инспектору право по своему усмотрѣнію дать представителей для участія въ сельскихъ гражданскихъ, военныхъ и рабочихъ совѣтахъ Сочи.

15. Въ селахъ службу милиціонеровъ должны нести подходящіе люди по выбору центральнаго органа по очереди; за внѣочередные дни полагается вознагражденіе.

16. Смѣта расходовъ по всему округу составляетъ 66,000 рублей.

Расходы по врачебной части	37800	руб.
Окружному инспектору	4000	„
Дѣлопроизводителю Сочи	3000	„
Конторскіе расходы	500	„
Помиговор. пропаг. и дѣлопроизв. . .	3000	„
Сочи и Адлера пропаганд.	800	„
Инструктору банка.	3000	„
Инструктору кооперацiи	3000	„
Юрисконсульту	3000	„
На милицію расходы.	2000	„
Канцелярскія на съѣзды и др. расх.	5000	„
Итого . . .	66000	руб.

17. Центральный органъ рѣшилъ отправить въ Новороссійскъ на крестьянскій съѣздъ въ качествѣ представителей отъ центральнаго органа слѣдующихъ лицъ: А. Кешабяна, о. Анд. Аракеляна и Вартана Чолакяна.

18. Съѣздъ постановилъ выдать каждому изъ нихъ на дорожныя издержки деньги.

Предсѣдатель **Ар. Акопіанъ**.
Секретарь **А. Торлакянъ**.

Выписка изъ протокола Сочинскаго округа армянскаго деревен. единенія.

Историко-археологическій институтъ на Кавказѣ.

Съ осени нынѣшняго года въ Тифлисѣ будетъ функціонировать кавказскій историко-археологическій институтъ, организуемый академикомъ Н. Я. Марромъ и который является для Кавказа совершенно новымъ ученымъ учрежденіемъ, каковыя существуютъ въ Россіи и въ Западной Европѣ. Его дѣятельность будетъ посвящена научному кавказовѣдѣнію, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова,—область, весьма мало изученная на мѣстѣ въ столь обширныхъ размѣрахъ. Съ научной точки зрѣнія институтъ ввѣряется руководительству академіи наукъ и, согласно своему уставу, утвержденному лѣтомъ сего года, являясь ученымъ учрежденіемъ, преслѣдуетъ слѣдующія цѣли: 1) изучать языки, образъ жизни и бытъ, а также древности кавказскихъ народностей лингвистически и съ культурной стороны и сосѣднихъ съ ними странъ—Ирана, Месопотаміи, Малой Азіи, живыхъ и вымершихъ народовъ въ теченіе всей ихъ исторической жизни, содѣйствовать также развитію всѣхъ отраслей кавказовѣдѣнія и относящейся къ нимъ научной популяризаціи; 2) охранять предметные и духовные памятники различныхъ культуръ въ предѣлахъ кавказскаго края и составить имъ регистрацію. Въ институтѣ разрабатываются историко-археологическія науки: исторія и археологія, языкознаніе, этнографія, исторія литературы, исторія художества, обычное право и соотвѣтствующія вспомогательныя знанія.

При институтѣ имѣется въ виду изданіе научныхъ бюллетеней, серій ученыхъ трудовъ и особыхъ изслѣдованій. На первыхъ порахъ въ составъ института входятъ, кромѣ академиковъ-руководителей, «ученая конференція института» и его члены. Сверхъ того, для согласованія дѣятельности института со всѣми научными и, вообще, интеллигентными силами Кавказа, въ конференцію вступаютъ: директоръ кавказскаго музея и по одному лицу, срокомъ на три года, изъ представителей существующихъ въ Тифлисѣ національныхъ обществъ. Затѣмъ институтъ намѣренъ пригласить въ качествѣ сотрудниковъ представителей всѣхъ кавказскихъ районовъ, всѣхъ общественныхъ силъ и туземной интеллигенціи для разработки предложенныхъ имъ вопросовъ. („Мшакъ“ № 176, отъ 22-го августа сего 1917 г.).

Богатая и разносторонняя программа института, какъ видитъ читатель, обнимаетъ весьма обширные горизонты и отчасти предвосхищаетъ таковой же проектъ покойнаго кунеолога М. В. Никольскаго. Послѣдній въ одномъ изъ засѣданій восточной комиссіи моск. арх. общества выступилъ въ прошломъ году съ обширнымъ докладомъ, въ которомъ предлагалъ обществу организовать ученую экспедицію въ большомъ масштабѣ въ турецкую Арменію, Малую Азію, Месопотамію, Сирію и Палестину. Осуществятся ли въ будущемъ планы М. В., мы не знаемъ, но что многое въ этомъ отношеніи будетъ выполнено институтомъ Н. Я. Марра, сомнѣнія быть не можетъ. Что же касается участія туземной интеллигенціи въ научныхъ трудахъ института, то слѣдуетъ замѣтить, что изъ кавказскихъ народностей болѣе всего можно разсчитывать на содѣйствіе армянъ и грузинъ, интересующихся своими древностями и пекущихся о сохраненіи ихъ для грядущихъ поколѣній. Пожелаемъ же полнаго успѣха и процвѣтанія вновь возникающему научному учрежденію на Кавказѣ.

Х. Кучукъ-Іоаннесовъ.

Сентябрь. 1917 г.

Курды.

Тифл. газеты сообщаютъ:

Изъ Алашкерта телеграфируютъ: «Взято въ плѣнъ 138 курдовъ, отбито 20.000 баранты и рогатаго скота. Ранено два солдата. Курды, оставляя все, перешли въ сѣверную часть Алагеза. Аштаракскій комитетъ отбираетъ скотъ и плѣнниковъ и отправляетъ ихъ въ Эривань. Картина потрясающая».

— Изъ Эчміадзина телеграфируютъ:

«Вчера, вечеромъ, войска возвратились въ Аштакаръ, привели 136 курдовъ. Уѣздный комиссаръ освободилъ женщинъ и дѣтей. Пригнанъ скотъ очданцевъ-курдовъ. Въ Алашкертскомъ районѣ работы наши прекращены. Паника мѣшаетъ работать».

— Изъ Новаго-Баязета за подписью многочисленныхъ уполномоченныхъ города и татарскихъ деревень уѣзда получена слѣдующая телеграмма:

Въ городѣ властвуетъ полная анархія, угонъ скота и убійства обратились въ обыкновенное явленіе. Жители уѣзда—армяне, татары и молокане—терроризованы и находятся на краю пропасти. Единственнымъ лицомъ, которое можетъ возстановить полный порядокъ, является извѣстный Степанъ Коргановъ, бывш. ново-баязет. уѣздн. начальникъ. Мы нѣсколько разъ телеграммой и письмомъ просили закавк. особ. комитетъ назначить Корганова комиссаромъ Ново-Баязетскаго уѣзда, но наша просьба осталась безъ удовлетворенія. Снова просимъ назначенія въ скоромъ времени Корганова комиссаромъ".

— Краевому Совѣту солд., раб. и кр. депутатовъ и особому закавк. комитету предсѣдатель комитета 5-го арм. стрѣлк. полка смерти Мелкомянъ прислалъ слѣд. телеграмму: «Въ тифл. газетахъ сообщаютъ массу свѣдѣній о нападеніяхъ курдовъ совмѣстно съ татарами на арм. селенія. Долго терпѣли, но случай въ Давалинскомъ участкѣ переполнилъ чашу терпѣнія. Умоляю васъ принять самыя энергичныя мѣры для наказанія виновныхъ и предупрежденія повторенія подобныхъ случаевъ. Высокопатріотическое настроеніе нашего полка мы бы желали использовать для внѣшняго врага, но если вы своевременно не примете мѣръ противъ союзниковъ нашихъ враговъ въ нашемъ тылу, то сильно замѣтное возбужденіе солдатъ невозможно будетъ обуздать, и катастрофа можетъ случиться тамъ, гдѣ меньше всего вы и мы могли ее ожидать. Если хоть одинъ изъ насъ недостаточно усвоитъ свое нравственное призваніе, то дѣятельность другого этимъ самымъ парализуется. Прошу, умоляю—примите мѣры, пока не поздно, иначе впослѣдствіи намъ придется примѣнить большія усилія, и меньшихъ результатовъ мы добьемся. Еще одинъ подобный фактъ—и, мы увѣряемъ вашихъ насильниковъ, что они сильно будутъ жалѣть. Просимъ о мѣрахъ, принятыхъ вами, сообщить намъ».

— Изъ Этала телеграфируютъ, что 22 августа на 7-й верстѣ Савали—Соуксу на транспортъ напали 40 вооруженныхъ курдовъ. Перестрѣлка продолжалась 40 мин. Убито 6 фургонщиковъ и тяжело ранено 6, легко—2. Уведены 9 лошадей и отнято 20 винтовокъ.

„Баку".

Армянская ударная рота.

3 августа въ Петровскѣ, какъ сообщаетъ «Тер.», состоялись торжественные проводы на ... фронтъ армянской ударной роты подъ командой инціатора и организатора прапорщика. Передъ отправленіемъ на станцію рота въ полной походной амуниціи прибыла въ ограду армянской церкви, гдѣ была встрѣчена представителями мѣстной армянской общины, полкового комитета, командиромъ полка, изъ котораго составилась рота, а также собравшейся для проводовъ публикой и полковымъ оркестромъ.

Состоялось молебствіе, послѣ котораго выступали ораторы, восторженно привѣтствовавшіе роту въ лицѣ прапорщика.

Командиръ полка полковникъ привѣтствуя роту, которая въ полномъ сознаніи своего гражданскаго долга идетъ впередъ, подчеркнулъ особенное значеніе ударной роты въ настоящее тяжелое для родины время и для истекающей кровью Арменіи и многострадальнаго армянскаго народа, въ частности. Онъ призывалъ солдатъ къ единенію и подчиненію всему командному составу, къ исполненію приказовъ, сохраняя строгость дисциплины, благодаря которой только и возможно выполненіе какой бы то ни было боевой задачи.

Рѣчи ораторовъ были встрѣчены бурными аплодисментами и громовыми «ура!» подъ звуки марсельезы.

Отъ имени ударной роты выступилъ солдатъ который поблагодарилъ собравшихся, заявилъ, что вся рота во имя свободы поклялась бороться до полной побѣды и такъ же бодро, смѣло и мужественно вернуться съ честью.

Было выражено полное довѣріе временному правительству въ лицѣ министра Керенскаго.

Гражданиномъ А. С. Балаянцемъ ротѣ передано знамя съ надписью «Смерть или свобода».

Мѣстной армянской интеллигенціей въ оградѣ церкви собрано для нуждъ роты около 1,400 руб., каковые переданы комитету послѣдней.

Голодъ въ турецкой Арменіи.

Отдѣломъ снабженія продовольствіемъ бѣженцевъ при арм. центр. комитетѣ получены изъ турецкой Арменіи крайне безотрадныя свѣдѣнія о положеніи продовольственнаго дѣла. Населеніе бассенскаго, меллазгертскаго, мамахатунскаго, мушскаго, эрзерумскаго и эрзинджанскаго районовъ переживаетъ острый продовольственный кризисъ. Необходимо пока немедленно отправить хоть вагоновъ 40 муки, дабы предотвратить наступленіе голода.

„К. Сл.".

Съѣздъ армянъ-католиковъ.

На-дняхъ въ Тифлисѣ открылся съѣздъ представителей русскихъ армянъ-католиковъ. Присутствовало 40 свѣтскихъ и 34 духовныхъ делегата. Въ порядкѣ дня съѣзда поставлены вопросы:

1) о школахъ и семинаріи;

2) о епископахъ;

3) объ уставѣ для церковной администраціи.

Были произведены выборы въ президіумъ; избраны: предсѣдателемъ съѣзда г. Саруханянъ, помощниками г. Нерсисянъ и о. Калатозянъ; секретарями о. Атанасъ и г. Захарянъ.

Съѣздъ постановилъ телеграфно выразить довѣріе временному правительству, а также поблагодарить помощника министра Котляревскаго за привѣтствіе.

Для разработки намѣченныхъ въ порядкѣ дня вопросовъ съѣздъ избралъ 3 комиссіи, каждая въ составѣ 5 членовъ свѣтскихъ и двухъ изъ духовенства.

„Баку“.

Положеніе армянъ въ Месопотаміи.

Изъ Швейцаріи пишутъ «Оризону», что, по свѣдѣніямъ прибывшаго въ Швейцарію лица, близко знакомаго съ дѣятельностью американскаго комитета, положеніе армянъ въ Месопотаміи весьма печально. До сихъ поръ изъ Америки поступило въ пользу армянъ и сирійцевъ $1^1/_2$ милліона долларовъ. Какая часть досталась армянамъ, неизвѣстно. Турецкое правительство разрѣшило американскимъ дѣятелямъ остаться въ Месопотаміи и продолжать свое дѣло вспомоществованія армянамъ. Въ дѣлѣ вспомоществованія армянамъ большую роль играли и нѣмецкіе консулы и миссіонеры, которые сами участвовали въ раздачѣ пособій. Помощь распространялась исключительно на территорію, прилегающую къ линіи Алеппо—Дамаскъ; въ самой же Месопотаміи, по побережью Евфрата, несчастные армяне обречены на смерть, имъ оказывать помощи нельзя. Всю эту массу, приблизительно въ 400,000 человѣкъ, можно считать навсегда погибшей, о нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, какъ пишетъ нѣмецъ-«армянофилъ». Въ Алеппо находятся 45,000 армянъ; отъ Алеппо до Геджаса—60,000, половина которыхъ уже вымерла. Въ Дамаскѣ—10,000, въ Обеа и др. мѣстахъ—30,000.

Въ Бейрутѣ находятся 240 семействъ, принявшихъ магометанство, 67 семействъ остаются армяно-григоріанами. Въ Алеппо 10,000 армянскихъ женщинъ работаютъ по изготовленію одежды для нуждъ турецкой арміи, а 35,000 человѣкъ обречены на голодную смерть. Эти свѣдѣнія подтверждаются и изъ Берлина.

Въ Урфѣ 2,400 сиротъ отданы на попеченіе христіанъ-сирійцевъ. На ихъ содержаніе выдается по 20 марокъ на душу, кромѣ одежды, а на содержаніе матери съ ребенкомъ—30 марокъ. Одежду очень трудно достать въ этихъ мѣстахъ. Заболѣванія громадны, докторовъ нѣтъ, ощущается острая нужда въ хининѣ. Незначительной части женщинъ разрѣшено заниматься шелководствомъ, шитьемъ, вязаніемъ ковровъ, а мужчинъ, оставшихся въ живыхъ, берутъ на работу въ армію.

Корреспонденціи.

ДѢЙСТВУЮЩАЯ АРМІЯ.

(Отъ нашего корреспондента).

„Преждевременная смерть“.

27 іюля въ Шарафъ-Хане (Персія) скончался въ лазаретѣ неожиданно для всѣхъ дорогой нашъ казначей Миграмъ Баграмянъ. Кто не зналъ этого милаго, искренняго труженника и товарища? Его знали всѣ! Берите любую армянскую газету, и вы найдете его статьи,—въ нихъ ясно рисуется его искренняя забота о солдатахъ, объ ихъ дѣйствительныхъ нуждахъ. Онъ всегда интересовался солдатами, ихъ внутреннимъ міромъ; давалъ онъ имъ всегда добрые, искренніе совѣты; выслушивалъ каждаго, вдумывался въ каждую сказанную солдатомъ фразу глубоко, тогда и отвѣчалъ, но только на нихъ. Всегда наши солдаты уходили отъ него какъ-то довольные, удовлетворенные. Въ лицѣ дорогого Миграна они находили друга и товарища, въ немъ они находили духовную поддержку.

Свою заботу и интересъ къ солдатамъ онъ проявлялъ на дѣлѣ, а не на словахъ. Благодаря его энергіи, заботамъ, были у насъ очень удачные сборы въ пользу семей погибшихъ въ бояхъ солдатъ и офицеровъ, а также по организаціи полковой библіотеки. Всегда можно было видѣть дорогого Миграна предсѣдателемъ на собраніяхъ. Онъ какъ-то умѣло, искренно подходилъ къ солдатскимъ нуждамъ. Среди насъ, офицеровъ, пользовался большой популярностью. Призывалъ и насъ, офицеровъ, къ плодотворной дружной работѣ и радовался, когда призывы его имѣли успѣхъ. Всякая неудача на фронтахъ удручающе дѣйствовала на него: онъ становился грустнымъ, печальнымъ. Всегда намъ бывало хорошо, пріятно тамъ, гдѣ нашъ Миграмъ, но его теперь нѣтъ!—Это замѣтно чувствуется здѣсь, вдали отъ родныхъ, друзей. Да, дорогіе читатели и читательницы, грустно, тяжело подумать, что его нѣтъ, что оставилъ онъ насъ сиротами!!! Въ лицѣ Миграна и армянское общество потеряло прекраснаго труженика! Онъ ушелъ отъ насъ и больше не вернется къ намъ, но память о немъ будетъ у всѣхъ еще долгіе годы. Миръ праху твоему, дорогой, неоцѣнимый нашъ другъ и товарищъ Миграмъ! Спи, дорогой, крѣпкимъ сномъ!!!

Поручикъ армянск. стрѣлков. полка **А. Акопянцъ.**

Лозовая-Павловка.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ Лозовой-Павловкѣ, Донецкаго округа, домъ Матуріановыхъ, открываетъ свои дѣйствія сѣверо-центральный комитетъ по освобожденію армянъ. Въ выпущенной комитетомъ „Программѣ единенія“, между прочими, значатся слѣдующіе пункты:

— Назначить развѣдочный органъ и немедленно отправить его съ разрѣшенія правительства на фронтъ военныхъ дѣйствій. Произвести обыски въ турецкихъ домахъ и искать въ нихъ армянъ; найденныхъ тамъ до заключенія мира сейчасъ же доставить въ Тифлисъ и передать мѣстному комитету.

Если обнаруженныя развѣдочнымъ органомъ лица окажутся изъ окрестностей Карина (Эрзерума), Муша или изъ другихъ мѣстъ, то развѣдочный отрядъ долженъ стараться немедленно передать ихъ организаціямъ, находящимся ближе къ фронту.

По заключеніи мира сѣверному центральному комитету вмѣняется въ обязанность число членовъ развѣдочнаго отряда довести до 23 чел. такимъ образомъ: два члена изъ Чичобага, два изъ Кисака, два изъ Сюньяцъ, два изъ Кирмана, два изъ Миджинъ-тага, два изъ Верн-Хевдадзора, три изъ Кахмхута, два изъ Ваханы, одинъ изъ

Кохута, два изъ Веря-Мохракуйта, два изъ Варя-Мохракуйта, одинъ изъ Горганиза.

Средства комитета составляются изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій.

Комитетъ единенія обращается къ армянамъ, обывателямъ Хотурджура и Мохракуйта, живущимъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, съ приглашеніемъ записаться членами. По предложенію и съ вѣдома центральнаго комитета надо образовать подкомиссіи въ городахъ: Харьковѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Екатеринодарѣ, Симферополѣ, Воронежѣ, Острогожскѣ и Тамбовѣ.

Корреспонденція адресуется: въ Лозовую-Павловку, Донецкаго округа, домъ Матуріановыхъ, сѣверный центральный армянскій комитетъ.

Тифлисъ.

(По телеграфу отъ собственнаго корреспондента).

Междупартійное совѣщаніе постановило созвать въ Тифлисѣ 27 сентября армянскую національную конференцію.

Порядокъ дня—вопросы, связанные съ моментомъ.

ОБЗОРЪ КНИГЪ.

I. „Au pays de l'epouvante L'Arménie martyre".
„Въ странѣ ужасовъ. Изстрадавшаяся Арменія".

Подъ такимъ заглавіемъ въ Парижѣ недавно вышла въ свѣтъ книга Н. Barby, военнаго корреспондента газ. «Journal», посвященная армянскому вопросу и мартирологу турецкихъ армянъ.

Авторъ книги въ прошломъ году провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тифлисѣ, гдѣ съ большимъ интересомъ и основательно изучилъ исторію послѣднихъ страданій турецкихъ армянъ; кромѣ того, онъ посѣтилъ театръ военныхъ дѣйствій и въ цѣломъ рядѣ корреспонденцій изъ Тифлиса въ газ. „Journal" описалъ трогательными красками всѣ детали ихъ ужасной драмы.

Переработавъ эти статьи, напечатанныя въ упомянутой газетѣ, и прибавивъ къ нимъ нѣсколько новыхъ главъ, авторъ теперь выпускаетъ въ свѣтъ этотъ въ высшей степени интересный и съ точки зрѣнія момента чрезвычайно важный трудъ.

Предисловіе книги написалъ Поль Дешанель,—извѣстный академикъ и предсѣдатель французскаго парламента,—который въ сжатыхъ словахъ доказываетъ, что турки и нѣмцы сообща осуществили въ Арменіи программу истребленія армянъ. „То, что по наущенію нѣмцевъ совершили турки въ Арменіи, нѣмцы выполняли вездѣ".

Надо возмѣстить потери армянъ, извѣстныя всему цивилизованному міру. Преступленія, картину которыхъ даетъ Н. Barby, не могутъ остаться безнаказанными, и міръ не можетъ ихъ забыть... Эти преступныя дѣянія Турціи и Германіи не должны остаться безъ расплаты.

«Освободивъ Арменію отъ турецкаго ига, союзники устранятъ тѣмъ самымъ величайшую несправедливость. Вѣдь нельзя же и впредь игнорировать требованія справедливости. Послѣ принесенныхъ тяжелыхъ жертвъ армянскій народъ, съ которымъ насъ связываетъ столько воспоминаній, какъ и другія угнетенныя національности, удостоится, наконецъ, свѣтлаго часа свободы.»

Книга иллюстрирована и содержитъ 10 главъ. Особая глава посвящена армянскому добровольческому движенію, точно такъ же специальная глава касается вопроса о будущемъ устройствѣ Арменіи.

Авторъ утверждаетъ, что единственное и лучшее разрѣшеніе армянскаго вопроса состоитъ въ томъ, чтобы „армянскому народу была дана автономія подъ покровительствомъ державъ согласія".

Не слѣдуетъ смущаться тѣмъ,—говоритъ авторъ,—что численность армянъ невелика въ настоящее время. «Въ Греціи численность грековъ не достигала полумилліона, когда они были освобождены отъ турецкаго ига. То же самое было и въ Болгаріи. Число же турецкихъ армянъ въ настоящее время, достигаетъ 900,000, между тѣмъ какъ количество сосѣднихъ турокъ и курдовъ значительно уменьшилось».

«Освобожденіе армянскаго народа будетъ однимъ изъ крупнѣйшихъ актовъ справедливости, который союзники обязаны осуществить послѣ побѣды.»

„Оризонъ."

II. „Избіенія въ Арменіи".

Названная книга, написанная на арабскомъ языкѣ, лишній разъ вскрываетъ передъ культурнымъ міромъ тотъ маккіавелистическій планъ, жертвой котораго стали нѣсколько сотъ тысячъ армянъ.

Авторъ ея, Файызъ Касинъ, нѣкоторое время жилъ въ Арменіи, былъ очевидцемъ армянской рѣзни и, оказавшись на свободѣ, счелъ своимъ долгомъ поднять завѣсу надъ событіями, имѣвшими мѣсто въ Арменіи, съ цѣлью дать понять міру и мусульманамъ въ частности, каково было отношеніе иттихатскаго правительства къ армянскому народу, какъ и при какихъ обстоятельствахъ были совершены преступленія противъ тѣхъ, которые, имѣя въ качествѣ вѣрныхъ гражданъ право на свободное существованіе, стали тѣмъ не менѣе ихъ жертвой, что исторія за много вѣковъ не знаетъ подобныхъ преступленій, звѣрствъ и дикостей.

Описанное въ книгѣ не походитъ на появившіяся до сего времени изображенія. Въ то время какъ послѣднія основаны лишь на слухахъ да предположеніяхъ,—разсматриваемая книга принадлежитъ перу человѣка, который самъ былъ на нашей родинѣ въ дни творившихся тамъ ужасовъ и собственными глазами видѣлъ все. По его словамъ, то, что онъ видѣлъ и слышалъ тамъ,—все это составляетъ лишь часть того, что въ дѣйствительности тамъ произошло.

Высказываясь объ упомянутой книгѣ, арабская газета «Муккаттамъ» говоритъ слѣдующее:

„Прочитавъ эту книгу и представивъ передъ глазами весь ужасъ приведенныхъ въ ней фактовъ, человѣкъ возмущается противъ всего человѣчества. Ему не вѣрится, что въ нынѣшній вѣкъ, когда организуются частныя о-ва для покровительства животнымъ, встрѣчаются люди, выказывающіе до такой степени звѣрское отношеніе къ себѣ подобнымъ. Неужели въ этой странѣ и въ самомъ дѣлѣ одичалъ человѣкъ, неужели онъ все близится къ первобытному состоянію, или, можетъ-быть, у него—инстинкты, одинаковые съ инстинктами хищныхъ звѣрей?"

За краткимъ предисловіемъ автобіографическаго характера слѣдуютъ въ книгѣ арабскаго писателя одинъ за другимъ, одинъ ужаснѣй другого, душу раздирающіе разсказы, сопровождаемые одобрительнымъ отзывомъ о стойкости и мужествѣ армянъ.

Написанная на арабскомъ языкѣ, эта книга пополняетъ важный пробѣлъ и имѣетъ крупное значеніе въ средѣ мусульманъ, что представляется необходимымъ съ точки зрѣнія грядущаго.

„Мшакъ."

Библіографія.

Фредерикъ МАКЛЕРЪ. «Музыка въ Арменіи».

(Издано въ Парижѣ въ 1917 году). Бесѣда, имѣвшая мѣсто въ школѣ „Высшихъ соціальныхъ наукъ".

Ф. Маклеръ, извѣстный цѣлымъ рядомъ произведеній, посвященныхъ различнымъ вопросамъ армяновѣдѣнія, выступилъ съ бесѣдой объ армянской музыкѣ 26 января 1917 года передъ Парижской публикой.

Несмотря на краткость этой бесѣды, благодаря ограниченности времени, авторъ сумѣлъ дать очень интересный очеркъ исторіи армянской музыки, прослѣдивъ за ея развитіемъ и намѣтивъ всѣ главные моменты, останавливаясь на нихъ болѣе или менѣе подробно.

Подобные труды, являясь на одномъ изъ общеевропейскихъ языковъ и написанные такимъ авторитетомъ, какого мы имѣемъ въ лицѣ г-на Маклера, имѣютъ то громадное значеніе, что они, расходясь на интернаціональномъ рынкѣ, являются достояніемъ наиболѣе широкихъ круговъ читателей, служа въ то же время важнымъ подспорьемъ для лицъ, занимающихся армяновѣдѣніемъ; они избавятъ также будущаго путешественника отъ тѣхъ невольныхъ недоразумѣній, къ какимъ пришли, очевидно, путемъ разспросовъ относительно армянской музыки Линчъ (см. «Арменія» т. I, стр. 330, гл. XVI) и Леманъ-Гауптъ, который, напримѣръ, сообщаетъ: «Достойно вниманія, что армяне едва-ли имѣютъ собственную музыку». (см. Lehmann-Haupt «Armenien einst und jetzt» стр. 143).

Конечно, иностранцы интересовались армянской музыкой давно, напр.: Шретеръ, П. Вагнеръ, Дешевранъ, П. Обри, Панкукъ и др., и мы уже имѣемъ два краткихъ очерка исторіи армянской музыки, написанныхъ И. Е. Поповымъ*) и Сп. Мелкіановъ**)

Брошюра г-на Маклера написана живо, мѣстами захватывающе, съ большой любовью и теплотой, приноситъ массу интереснаго, являясь въ то же время прекраснымъ конспектомъ, на основаніи котораго будущій историкъ армянской музыки построитъ свое роскошное зданіе, развивъ отдѣльныя части этого труда и значительно дополнивъ ихъ новыми свѣдѣніями.

Сюжетъ дѣлится на слѣдующія четыре части:

1) Вступленіе, 2) Духовная музыка, 3) Свѣтская, которая въ свою очередь подраздѣляется на музыку а) ашуговъ и в) пѣсни крестьянъ, 4) Современные композиторы.

Во вступленіи г-нъ Маклеръ приводитъ образцы древняго эпоса изъ исторіи М. Хоренскаго, т.-е. пѣсни «страны Гохтнъ, изобилующей виномъ»...

Мы въ сущности привыкли вѣрить въ существовавшихъ нѣкогда Гохтенскихъ пѣвцовъ; интересно по этому поводу мнѣніе проф. Т. Халатянца, который приноситъ намъ горькое разочарованіе своимъ скептическимъ отношеніемъ къ словамъ М. Хоренскаго.

„.... никто изъ армянскихъ писателей ни до ни послѣ IX вѣка не знаетъ о какихъ-то спеціальныхъ пѣвцахъ въ „изобилующемъ виномъ Гохтнѣ".... Далѣе историку нашему (Моисею Хоренскому) было извѣстно изъ географіи Ан. Ширакаци, что кантонъ этотъ славился, по крайней мѣрѣ въ VII вѣкѣ по Р. Х., обиліемъ вина. Отсюда и заимствовалъ Моисей самый эпитетъ кантона — «изобилующій виномъ Гохтнъ». Затѣмъ уже, какъ я предполагаю по ассоціаціи идей вина съ весельемъ и пѣсней, и идей навѣянныхъ, быть-можетъ, I. Мандакуни.... Гохтнъ явился у Хоренскаго излюбленнымъ мѣстомъ армянскихъ пѣвцовъ". (См. I. Халатянцъ «Армянскій эпосъ въ исторіи М. Хоренскаго» стр. 196).

Далѣе, приводя слова о. Комита, г-нъ Маклеръ говоритъ: „Но не Евтерпа и Терпсихора, которымъ менѣе посчастливилось, нежели Каллюпѣ и Полигимніѣ, не способствовали тому, чтобъ намъ хоть что-нибудь осталось отъ прелести танцевъ и пѣсенъ нашихъ предковъ"...

Если проф. Халатянцъ причинилъ намъ острую боль, то проф. Н. Я. Марръ своимъ важнымъ открытіемъ, имѣющимъ неоспоримое значеніе для исторіи армянской музыки, доставилъ намъ большую радость: во время своего путешествія по Сваніи профессору пришлось видѣть сванскій танецъ „шюшпэръ" о которомъ, между прочимъ, говоритъ:

«Описанный раньше сванскій танецъ съ пѣснею „шюшпэръ" сохранилъ намъ въ его названіи драгоцѣнный терминъ, ключъ къ объясненію одного до сихъ поръ необъяснимаго названія армянской языческой пѣсни съ пляскою.... Разсказавъ преданіе о двойникѣ Ноя... Хоренскій заключаетъ: однако значительно чаще это повѣствуется, по преданію, („асэнъ ншатакавкъ") старцы изъ арамидовъ въ

---

*) „Армянская музыка" И. Е. Попова, изд. отдѣльной брошюрой и напеч. въ Русской Муз. газетѣ, а также въ „Татронъ и Еражштутюнъ" („Театръ и музыка") за года 1910—1914.

**) Приложеніе къ переводу Исторіи музыки Фукса.

напѣвахъ (музыкальнаго инстумента) «бамбирн»'а въ пѣсняхъ «цуц»овъ и «пар»овъ („эргсъ цуцуцъ евъ паруцъ"), т.-е., какъ теперь выясняется, въ пѣсняхъ „шюшпэръ" или «шюшпэръ»...(См. Христіанскій Востокъ 1913 г. т. II. Изъ поѣздки въ Сванію лѣтомъ 1911 и 1912 г.г. Н. Я. Марръ).

Пройдя къ церковной музыкѣ, г-нъ Маклеръ начинаетъ ее съ V вѣка, говоритъ о невмахъ, останавливается довольно долго на „нашемъ классическомъ сборникѣ—Шараканахъ, перечисляетъ большую часть авторовъ, выдвинувшихся на этомъ поприщѣ, при чемъ съ особенной трогательностью и увлеченіемъ обращаетъ вниманіе читателя на двухъ женщинъ-композиторовъ восьмого вѣка, говоря о нихъ съ настоящимъ подъемомъ.

Имѣя въ виду ограниченность времени, нельзя все же не пожалѣть, что авторъ такъ мало остановился на папа Амбардзумъ Лимонджянѣ, котораго Піеръ Обри справедливо называетъ „великимъ реформаторомъ армянской церковной музыки" (см. Rythme Tonique Pierre Aubry стр. 15), и совершенно умолчалъ о Ташчіанѣ, который сыгралъ также немаловажную роль въ исторіи армянской церковной музыки.

Говоря объ ашугахъ, г-нъ Маклеръ подчеркиваетъ то поразительное чувство стиля, обладателемъ котораго является каждый ашугъ, сообщивъ, что на Востокѣ лучшими музыкантами большею частію были армяне; затѣмъ авторъ печально заявляетъ, что русская цивилизація вытѣснила ашуговъ, „что часъ ихъ окончательно пробилъ и что нѣсколько слѣпыхъ замѣнили ихъ" (очевидно, тутъ говорится о слѣпыхъ уличныхъ музыкантахъ); хотя, правда, ашуги не въ томъ почетѣ, какъ раньше, но слѣпые музыканты едва ли замѣнятъ ихъ; и у насъ, въ Тифлисѣ, азіатскіе оркестры и нынѣ играютъ въ клубахъ, въ садахъ, на свадьбахъ и торжествахъ, хотя, конечно, не въ такой степени, какъ въ провинціи и въ былыя времена.

Что весьма отрадно, это то, что въ послѣднее время наша интеллигенція не стѣсняется высказать свою любовь къ азіатской музыкѣ; такъ, напр.

Общество армянскихъ писателей устроило за послѣдніе годы нѣсколько вечеровъ азіатской музыки, и залъ бывалъ всякій разъ переполненъ интеллигенціей; и Армянское Этнографическое Общество всѣми силами старается поддержать эту любовь. Интересно подчеркнуть, насколько сильна любовь къ азіатской музыкѣ у отдѣльныхъ лицъ,—стоитъ прочесть съ этой цѣлью „Картинки изъ военной жизни" Валадіана, хотя бы только одно оглавленіе.

Кромѣ того, какъ-то читается между строкъ, что нашимъ молодымъ композиторамъ не мѣшало бы поучится у ашуговъ по окончаніи консерваторіи; да, эта мысль явилась уже у нѣкоторыхъ, и они старательно изучаютъ музыку ашуговъ.

Что касается отдѣла современной музыки, то, несмотря на тщательное изученіе перечисленныхъ имъ авторовъ, неудовлетворилъ именно нѣсколько односторонній взглядъ и недостатокъ той чуткости, которая проявлялась у автора во всѣхъ прочихъ частяхъ.

Одностороннимъ его взглядъ на нашихъ современныхъ композиторовъ Тшуходжіана, Спендіарова, Тиграніана, Кара-Мурзу, Экмаліана, ген. Корганова я назову потому, что авторъ подошелъ къ нимъ исключительно съ точки зрѣнія, «насколько въ ихъ произведеніяхъ выдержанъ армянскій стиль», и не оцѣнилъ ихъ общемузыкальныхъ достоинствъ

Наша «младо армянская» школа всей душой стремится къ возстановленію армянскаго музыкальнаго стиля и къ строгой выдержанности его; и что теперь это намъ легче удастся, нежели нашимъ предшественникамъ, это болѣе чѣмъ ясно, потому что мы строимъ свое зданіе уже на фундаментѣ, воздвигнутомъ Кара-Мурзой, Экмаліаномъ, Тшуходжіаномъ, г. Коргановымъ и Н. Тиграняномъ; пусть ихъ сочиненія страдаютъ дефектами, пусть въ ихъ гармоніи больше европейскаго, чѣмъ восточнаго, но намъ свято и велико то, что они были піонерами, они не боялись осужденій, непониманія своихъ соотечественниковъ, они не боялись быть не оцѣненными и смѣло прокладывали дорогу будущему поколѣнію, и въ ихъ сочиненіяхъ есть несомнѣнныя музыкальныя достоинства.

Объ оперномъ композиторѣ Чуходжіанѣ и нашемъ симфонистѣ Спендіаровѣ,—г-нъ Маклеръ о первомъ почти ничего не сказалъ, лишь укоривъ его въ смѣшеніи стилей армянскаго, итальянскаго и турецкаго, а относительно второго, указавъ на отпечатокъ русской музыки въ его произведеніяхъ, ограничился тѣмъ, что назвалъ его «композиторомъ очень пріятнымъ» (un compositeur très agréable).

Если поднять вопросъ о соблюденіи чистоты стиля у великихъ композиторовъ міра, пожалуй, найдется мало такихъ, которые бы не грѣшили въ этомъ отношеніи, и тогда, пожалуй, перестали бы числиться представителями національныхъ школъ композиторы: Моцартъ (смѣшаны стили итальянскій съ германскимъ), Шопенъ (французскій, нѣмецкій, польскій) Листъ (венгерскій, нѣмецкій и французскій), Григъ (норвежскій и нѣмецкій) или Глинка? Развѣ нѣтъ у него въ музыкѣ европейскихъ элементовъ? Не говорилъ ли Римскій-Корсаковъ, что «спеціально русской музыки не существуетъ и гармонія и контрапунктъ одни общеевропейскія» (см. Труды Москов. Этногр. общ. муз. коммисіи. Томъ II, стр. 377).

Въ наше время, когда мы воспитываемся на европейской музыкѣ и слышимъ музыку всѣхъ культурныхъ и некультурныхъ народовъ, нетрудно подпасть подъ всякое вліяніе. И Чуходжіанъ, какъ оперный, г. Коргановъ въ области фортепьяной музыки и Спендіаровъ въ области симфонической, а они всѣ вмѣстѣ въ области мелкихъ вокальныхъ произведеній сдѣлали слишкомъ много большого съ точки зрѣнія чисто музыкальной, и мы гордимся ими, какъ нашими національными композиторами!

Что касается о. Комитаса, то въ отношеніи къ нему видна теплота и восхищеніе его талантомъ и трудами.

Да, о. Комитаса мы, соотечественники, мало цѣнимъ, и мы забываемъ, что такого знатока армянской музыки, такого тонкаго цѣнителя и вмѣстѣ съ тѣмъ чуткаго, который бы такъ чувствовалъ и понималъ ее въ самыхъ незамѣтныхъ извилинахъ, едва ли мы имѣемъ и будемъ имѣть!

Какъ жаль, что все это можетъ пропасть для будущаго поколѣнія, такъ какъ одни лекціи и концерты не могутъ сдѣлать того, что даетъ капитальное изданіе научнаго труда или, какъ говоритъ

В. Д. Коргановъ, «изданіе народныхъ напѣвовъ въ ихъ подлинномъ видѣ», на страницахъ своего сборника „Кавказская Музыка“.

О. Комитасъ опубликовалъ нѣсколько небольшихъ работъ, имѣющихъ, несомнѣнно, важное научное значеніе въ періодическихъ изданіяхъ; и, кромѣ того, благодаря любезности Піера Обри, записавшаго съ его словъ, мы имѣемъ о невмахъ въ журналѣ «La tribune de Saint-Gervais».

Г-нъ Маклеръ передалъ намъ со словъ о. Комитаса одинъ изъ великихъ моментовъ въ жизни нашего народа, именно «моментъ творчества народной пѣсни» паломниками; это великій моментъ, который поистинѣ достоинъ вниманія!

Небезынтересно отмѣтить, что о. Комитасъ, долго трудившійся надъ изученіемъ невмъ, пришелъ къ тому выводу, что «онѣ не болѣе доступны, чѣмъ невмы латинскія или знаки экфонетичные того времени».

Объясняется это тѣмъ же, что въ европейской музыкѣ: мелодіи, оставшіяся намъ въ наслѣдіе отъ нашихъ предковъ, переходя изъ устъ въ уста, претерпѣвали различныя измѣненія, и дошли до насъ многія изъ нихъ въ цѣломъ рядѣ варіантовъ: достаточно сказать, что одна изъ похоронныхъ мелодій, „и верин Ерусагемъ“, извѣстна мнѣ лично въ шести различныхъ варіантахъ.

Поблагодаримъ г-на Маклера за его серьезный трудъ и будемъ надѣяться, что читатели найдутъ много интереснаго и новаго и вполнѣ оцѣнятъ работу г-на Маклера.

Осанна Теръ Григорьянцъ.

Тифлисъ 1917 г.

На освобожденіе армянъ *).

Въ редакцію «Армянскаго Вѣстника» поступило на освобожденіе армянъ изъ турецкаго и курдскаго плѣна:

1. *Отъ св. А. Беручіанцъ* (г. Они, Кутаисской губ.) собранныя имъ въ частномъ домѣ среди гостей по слѣдующему списку:

1) Св. А. Беручіанцъ—2 р., 2) Як. Беручіанцъ—10 р., 3) Ник. Яраланъ—10 р., 4) Н. Твалчрелидзе—5 р., 5) С. Твалчрелидзе—1 р., 6) С. Душоянъ—5 р., 7) Н. Душоянъ—1 р., 8) Г. Беручанъ —3 р., 9) Н. Беручанъ—3 р., 10) Е. Беручанъ 1 р., 11) Ш. Алирегинъ—3 р., 12) Т. Алирегинъ—1 р., 13) Г. Беручанъ—3 р., 14) Б. Беручанъ—1 р., 15) И. Акопянъ—2 руб.

Изъ означенной суммы согласно желанію жертвователей послано армянской приходской школѣ г. Они разныхъ книгъ на . . . . 10 р. 30 к.

Итого . . 40 р. 70 к.

2. *Отъ Союза учащихся армянъ* (г. Закаталы) . . . . 150 р. — к.

Всего . . 190 р. 70 к.

Ранѣе поступило . . . . 51,373 р. 84 к.

ВСЕГО 51,564 р. 54 к.

Изъ означенной суммы переведены и переданы разновременно по назначенію до 23 апрѣля с. г. . . . . 46,027 р. — к.

9 сентября внесено на текущій счетъ Московск. армянскаго комитета „Бр. Джагмаровымъ (квит. № 1939) . . . 5,000 р. — к.

5 и 7 сентября передано Москов. Армянскому Комитету . . . . 537 р. 54 к.

Всего израсходовано 51,564 р. 54 к.

Къ 20 сентября въ кассѣ редакціи пожертвованныхъ суммъ не остается.

*) См. „Армянскій Вѣстникъ“ № 29/30.

Отъ редакціи.

Изъ письма въ редакцію о. Н. Абраамянца (см. „Армянскій Вѣстникъ“ № 35—36) видно, что авторъ письма плохо разбирается въ терминахъ „армяно-католики“ и „уніаты“. Подъ католиками разумѣются представители западной, римской, церкви, искони вѣковъ непосредственно изъ язычества перешедшіе въ христіанство, благодаря проповѣди католическихъ монаховъ, миссіонеровъ римскихъ. Таковыми являются французы, итальянцы, испанцы, австрійцы, южно-германцы и проч. Уніатами же называются тѣ христіане, которые, насильственно или добровольно, отрекшись отъ вѣроученія родной церкви, приняли римскую унію, т.-е. перешли въ католичество. Какъ должно быть извѣстно о. Абраамянцу, христіанство проникло въ Арменію еще въ первые вѣка нашей эры, а въ началѣ IV вѣка, при царѣ Тиридатѣ III Великомъ, оно стало офиціальной религіей, когда царь со всѣмъ своимъ дворомъ и народомъ принялъ крещеніе отъ Григорія Просвѣтителя. Единство религіи армяне цѣной ужасныхъ жертвъ сохранили до сихъ поръ, за нѣкоторыми исключеніями. Въ средніе вѣка, съ появленіемъ крестоносцевъ въ Киликіи и Малой Азіи, появились тамъ также римскіе миссіонеры, въ лицѣ католическихъ монаховъ, которые, изучая армянскій языкъ, поносили исповѣданіе армянской церкви и совращали армянъ въ католичество. Въ XVII столѣтіи армяне во Львовѣ, въ Галиціи, въ Каменецъ-Подольскѣ насильственно были присоединены къ римской церкви, т.-е. вынуждены были принять унію. Той же участи подверглись въ Галиціи русины, бѣлоруссы и малороссы, однако никто ихъ не называетъ русскими католиками, но уніатами. На этомъ основаніи нашихъ братьевъ, отступившихъ отъ вѣры своихъ отцовъ и принявшихъ римскую унію, мы называемъ уніатами. Если же армяне-уніаты называютъ себя католиками и таковыми признаетъ ихъ и русское законоположеніе, то это простое недоразумѣніе, происходящее отъ незнанія исторіи уніатства у армянъ. Но у насъ, въ Россіи, дѣло армянъ-неуніатовъ обстоитъ еще хуже; когда желаютъ опредѣлить ихъ религію, то всегда въ офиціальныхъ документахъ пишутъ: такой-то (имя рекъ) „армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія“, совершенно забывая, что св. Григорій, просвѣтитель Арменіи, никогда и никакой религіи не выдумалъ, не былъ ни Зороастромъ, ни Буддой, ни Конфуціемъ, ни Магометомъ, не игралъ въ исторіи армянской роли Цвингли, Кальвина, Лютера, но являлся лишь миссіонеромъ греческой церкви въ Кесаріи Кападокійской, гдѣ онъ росъ и воспитывался. Что же касается двухъ участниковъ на съѣздѣ крымскихъ армянъ, гг. Теръ-Степанянца и Галстянца, названныхъ въ нашемъ переводѣ студентами вмѣсто учителей, то вина падаетъ на автора армянскаго текста статьи, написавшаго передъ фамиліями помянутыхъ лицъ въ сокращенномъ видѣ „ус.“, которое можно читать: усанох (студентъ) и усуцич (учитель). Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній, о. Н. Абраамянцу слѣдовало бы хоть разъ въ своей статьѣ поставить полное слово „усуцич.“ Далѣе, если иниціаторомъ съѣзда является не о. Туманянцъ, а евпаторійская армянская община, то ошибку слѣдуетъ приписать не редакціи „Армянскаго Вѣстника“, но армянскому тексту статьи, т.-е. ея автору.

Редакторъ-издатель **Ив. Т. Амировъ.**

ОТЪ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Подписка на Заемъ Свободы уже превысила три миллiарда рублей, значительно превзойдя подписку на военные займы прежнихъ выпусковъ (I заемъ 1916 г. далъ $1\frac{1}{2}$ миллiарда руб. и II заемъ 1916 г.—1,6 миллiарда рублей). Страна не осталась равнодушной къ горячему призыву Временнаго Правительства. Широкiе круги населенiя все болѣе принимаютъ участiе въ подпискѣ, выполняя свой гражданскiй долгъ и помѣщая свои сбереженiя въ прочный источникъ дохода, обезпеченный всѣмъ достоянiемъ государства. Нужны еще многiе миллiарды, чтобы единая воля народа въ предстоящемъ Учредительномъ Собранiи завершила строенiе Свободной Россiи на началахъ равенства и братства. Временное Правительство не сомнѣвается, что не изсякли силы страны и свободный народъ съ удвоенной силой понесетъ свои сбереженiя государству, почему Временное Правительство и рѣшило продолжить подписку на Заемъ Свободы до предстоящаго Учредительнаго Собранiя.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу новый сборникъ подъ названiемъ:

„Армянскiе поэты“

въ переводахъ С. Я. ШАРТИ.

ОБРАЩАТЬСЯ:

Тифлисъ, Пушкинскiй пассажъ, № 23,

Контора Мнацаканова.

Цѣна 1 р. 50 к.

ВЪ ПОЛЬЗУ

ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ ВОЙНЫ.

ИЗДАНIЕ

Армянскаго Комитета „ВЕРАШИНУТЮНЪ“.

Поэма А. Кулебякина:

„ДВЕРЬ МАХЕРА“

и стихотворенiй его

„ОТЗВУКИ ВАНА“.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Выписывать изъ редакцiи „МШАКЪ“.

ТИФЛИСЪ.

АКЦIОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

„МОСКОВСКОЕ АРМЯНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО"

Уставъ утвержденъ 26 Апрѣля 1917 года.
Основной капиталъ—200.000 рублей.
Акцій—2.000, по 100 рублей за акцію.

Уставъ вышелъ изъ печати и разсылается. Желающіе получить справки и уставъ соблаговолятъ обращаться по адресу: Москва, Мясницкая, 20, учредителю о-ва И. Т. АМИРОВУ.

ЦѢЛИ „МОСКОВСКАГО АРМЯНСКАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА":

1) Дать армянскому народу хорошо изданную и возможно доступную по цѣнѣ книгу національной литературы. Поэтому очередной своей задачей Издательство считаетъ изданіе, въ возможной полнотѣ, библіотеки армянскихъ писателей классиковъ и современныхъ писателей.

2) Ознакомленіе армянскаго народа съ сокровищницею міровой литературы, путемъ перевода на армянскій языкъ лучшихъ произведеній западныхъ и русскихъ писателей, равно какъ классиковъ, такъ и современныхъ намъ.

3) Ознакомленіе широкихъ круговъ населенія Россіи и Запада съ армянской литературой, искусствомъ и памятниками національной культуры и научной мысли, въ переводахъ на русскій и др. языки.

4) Изданіе книгъ по вопросамъ: искусства, исторіи, культуры, соціальной и научной мысли, и проч., равно какъ на армянскомъ языкѣ, такъ и въ переводахъ съ армянскаго.

5) Не ограничивая вышеизложеннымъ свои задачи, Издательство будитъ открывать агентуры, книжные склады, библіотеки, типографіи и проч. учрежденія, какія будутъ подсказаны текущимъ моментомъ жизни, въ разныхъ городахъ Россіи и Кавказа.

Учредитель Общества И. Т. АМИРОВЪ.

ВЪ РЕДАКЦIИ ЖУРНАЛА

„АРМЯНСКIЙ ВѢСТНИКЪ"

имѣются для продажи слѣдующія изданія:

1. **«Армяне добровольцы»**, альбомъ (въ роскошномъ перепл.) Ц. **25** р.
2. **«Поэзія Арменіи»**. Сборникъ подъ редакціей В. Брюсова. Цѣна 5 р.
3. **„Сборникъ армянской литературы"** подъ редакціей М. Горькаго. Цѣна 2 рубля.
4. *Т. Теръ-Григорьянъ* **«Руководство къ Армянской Исторіи»** (средніе вѣка). Баку, 1913 г. Ц. **55** к.
5. То же (древній вѣкъ). Баку, 1913 года. Ц. **70** к.
6. *Ал. Цатуріанъ*. **«Русскіе поэты»**. Кн. 2-я Кольцовъ, Некрасовъ, Никитинъ, Плещеевъ (на арм. яз.). Цѣна 1 р.
7. Журналъ **«Горцъ»** за 1917 г. №№ 1, 2, 3, цѣна кажд. № 2 руб.
8. *А. Агаронянъ*. **«Затмись, луна»**. Пер. Л. Г. Халатова. Изд. М. Арм. Ст., № 2. Ц. **20** к
9. **Сонъ Вартана**, изъ романа *Раффи* **«Хентъ»**. Перев. Кара-Мурза. Цѣна **25** к.
10. *К. Коротковъ*. **«Семирамида»** (Шамирамъ). Поэма. Москва 1917 г. Ц. 1 р.
11. *Ст. Теръ-Сарьянцъ*. **Изъ «Ранъ Арменіи»**. Хачатура Абовяна. Ц. **30** к.
12. **«Армянскіе поэты»** въ переводахъ *С. Я. Шарти*. Ц. **1** р. **50** к.
13. Ноты *Г. А. Казаченко*. **«Зейтунскій Маршъ»**. Цѣна 1 р.
14. Ноты *А. Спендіарова*. **«Разудалые бойцы»**. Цѣна 1 р.
15. Географ. карта *А. Абегяна* **«Арменія»** на армянскомъ языкѣ. Цѣна 2 р. **50** к.
16. Геогр. карта **«Европейской войны»**, на арм. яз. изд. Г. И. Демурова Ц. 1 р. **50** к.
17. **„Двѣ сестры"**. Т. Агаяна (повѣсть на армянскомъ языкѣ). Ц. 1 рубль.
18. **«Одержимая падучею»**. *Ширванзадэ*. (Повѣсть на армянскомъ языкѣ). Ц. **60** к.
19. **Армяно-Григоріанскій календарь на 1917 г.** на рус. языкѣ. Цѣна **50** коп.
20. **Литургія армяно-григоріанской церкви** на рус. языкѣ. Цѣна 1 руб.
21. Протоіерей *Е. Гевмянцъ*. **«Русская бюрократія и армяне»**. (На армянскомъ языкѣ). Ц. **50** коп.
22. *Б. Ишханянъ*. **Народности Кавказа**. Цѣна 1 р. **50** к.
23. *Г. А. Гибсонъ*. **Послѣднія избіенія въ Арменіи**. Цѣна **50** коп.

Москва. Типографія Московскаго Издательства и Печати „Печатное Слово", Мясницкая, д. № 20.